

18+

Потерянная ДУША

Том 1

Ана Ховская

Ана Ховская

Потерянная душа. Том 1

Серия «Потерянная душа», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51265741

SelfPub; 2023

Аннотация

Многие знают, что значит быть «не в своей тарелке», когда жизнь кажется бредом, когда ты антимагнит для людей, а любовь — лишь выдумка для романов и кино, когда ты сама представляешь собой редкий экземпляр человеческого вида, когда не к кому обратиться за помощью и некуда бежать...

Но что случается, когда вдруг раздается загадочный телефонный звонок, когда курьер доставляет неожиданную посылку?! Мир начинает казаться не тем, каким ты его себе представляла! А когда таинственный незнакомец звонит в дверь... Все твои представления о себе и о жизни переворачиваются с ног на голову...

Приятного путешествия!

Ана Ховская

Потерянная душа. Том 1

От автора

Дорогие читатели, разрешите поделиться...

Эта книга – моя первая мечта о писательстве. Самой идее уже около двадцати лет. Возможно, поэтому книга получилась такой детальной, немаленькой и сюжетно проработанной.

Мне хотелось создать красивую драматическую историю, которая описывает целую Вселенную внутри одной женщины, через нее являя тайны жизни всего живого, а не наскоро написанный бульварный романчик.

История длинная для ценителей тонких деталей и психологических образов, для тех, кто любит сам процесс чтения и разбираться в хитросплетениях отношений. Возможно, история покажется затянутой, потому что новый мир и личные открытия героини описываются в деталях. Но именно так мне хотелось описать этот мир... несмотря на законы художественного творчества и психологического восприятия текста...

Сюжет создан так, что закручивается от главы к главе, словно пружина, и обрастает деталями, тайнами, раскрыва-

ется яркими событиями и неожиданными поворотами, выстреливая чувственными красками к третьему тому. Здесь будет драма и веселье, умиротворение и буйство эмоций, и, конечно же, горячо!

Вдумчивым и неторопливым читателям, глубоко романтическим натурам не захочется останавливаться, чтобы скорее открыть последнюю страницу, а потом расстроиться, что книга закончилась... Третий том взрывает чувственный мир всех женщин, кто любит любовную фантастику. Что может быть прекраснее для нас – девочек – чем настоящая всеохватывающая и истинная любовь?..

Очень хочу, чтобы вы поделились своими впечатлениями от старой-новой истории... Ну... а кому не залетит, пожелаю удачи в поиске легкой литературы...

Итак, полетели?..

Глава 1. Не в своей тарелке

– Знаешь, я всегда хотел женщину не такую, как все... Но не до такой же степени...

Истинное оружие против жизни – слова разочарования!

Так заканчивались все мои отношения, пока я просто не перестала очаровываться. Тогда они, эти отношения, перестали начинаться... И стало казаться, что любовь и какие-либо отношения вообще – это, как прогноз погоды: всегда нечто эфемерное и приблизительное. А мне нужна была яс-

ность!

Все в моей жизни шло кувырком. Я всегда чувствовала себя «не в своей тарелке» в этом мире. Конечно, во мне было много странностей, но, кажется, не больше, чем у любого человека, а некоторые и вовсе были незаметны, если не заглядывать в амбулаторную карту. Например, частичная гетеротаксия, когда некоторые внутренние органы перепутаны местами, и транспозиция внутренних органов, когда главные из них расположены зеркально, не как у всех. Но ведь это не доставляло совершенно никаких хлопот, разве что требовало небольших пояснений на медосмотрах.

Кроме того, у меня была особая аллергическая болезнь, которой ни у кого в роду не наблюдалось: аллергия на пыль, на все цветущие растения, на лактозу, яйца, кофе и цитрусовые, и, как ни странно, на все виды мяса и некоторые виды рыб. Оставшийся список запретных продуктов даже перечислять не хочется, словом, держалась на святом духе. Но и к этому я приспособилась.

Вдобавок ко всему я всегда знала, что у меня не может быть детей. Возраст был таков, что пора бы уже воспитывать их и жить себе счастливо со своей семьей. Да не тут-то было. Все вроде бы в норме: и гормоны, и все необходимые органы хоть и не на обычных местах, но вполне способные исполнить присущие им функции, однако никогда ничего не получалось. Наверное, это стало последней каплей в двух последних отношениях.

Что бы я ни делала, внешне все вроде бы было хорошо, но вот жизнь не устраивалась никак. У меня никогда не было подруг. С самого детства. Я всегда была общительной и открытой, делилась игрушками и сладостями, охотно принимала гостей в доме родителей и не отказывала в помощи, но каждый раз к середине игры в песочнице оставалась одна. Сначала это было не так заметно, да и что мог проанализировать детский мозг – просто было грустно и обидно. И потом мама списывала мои неудачи на слишком частое нахождение в клиниках и стационарах или обвиняла детей и их родителей в дурном воспитании и отсутствии душевной щедрости, говорила, что никто недостоин ее дочери. Необъяснимую болезненность не всем родителям можно было объяснить. И в конце концов я привыкла к наблюдению жизни других со стороны.

В осознанном возрасте много размышляла о парадоксе своего социального существования. При том, что я по-прежнему оставалась инициативной, отзывчивой, отношения так и не складывались. Я никогда не относилась плохо к людям в принципе, старалась принимать их со всеми недостатками и особенностями, однако заметила одну простую вещь: что это не меня сторонятся, это меня что-то отталкивает от них, как одноименные полюса магнита друг от друга. И это было почти буквально. Причины были самые разные: человек открывался с неприятной стороны, больше не хотелось с ним контактировать; интересы вдруг кардинально менялись

– не оставалось ничего общего; банально становилось скучно. Возможно, было и еще что-то на уровне энергетики...

Как ни странно, я не отчаялась, не замкнулась, не подалась в религию или секту, не стала «ботаном», хотя учеба всегда давалась легко – брала дополнительную нагрузку выше школьной программы, не ушла в алкоголизм или наркоманию, не стала жалкой неудачницей, но к двадцати годам выработала собственную стратегию, чтобы больше не разочаровываться в отношениях или в себе.

Что-то закрылось во мне, заморозилось. Отношения стали походить на формальность, чем на нечто живое и развивающееся. Может, поэтому впоследствии мне так легко удалось написать кандидатскую диссертацию по современной литературе, потому что сосредоточилась на исследовании и полностью ушла в работу. Просто это было спасением от сумасшествия и горечи.

Постепенно я привыкла к обособленному образу жизни, не особо стремилась сближаться с людьми, чтобы потом не сожалеть о неожиданной, но неотступной прохладе или расставании. Легкие знакомства, ничего постоянного. Ничего личного, ничего теплого и душевного...

И все же душа всегда была не на месте, все чего-то ждала и искала. Может быть, безболезненного конца?

Конечно, в свои тридцать пять лет хотелось простого женского счастья. Но, похоже, я уже не переваривала мужчин, как и мясо, как и лактозу с цитрусами – покрылась ледяной

броней с налетом циничности.

В моей жизни были мужчины, но ни одного я не могла удержать больше года, а где-то и не старалась. Сначала все шло хорошо: конфетно-букетный период, новизна ощущений, удовлетворение сексуальных потребностей, а когда впечатления от секса ослабевали и нужны были дополнительные эмоции и стимулы для поддержания отношений, тут-то и начинались проблемы. При всем стремлении к тем, к кому я почувствовала наиболее близкую связь и желание «притянуться» несмотря на борьбу с сомнениями, нас постепенно отталкивало друг от друга. Или это была их природа: мужская – полигамная – сволочная. Или что-то перевернулось с ног на голову в этой Вселенной, и я выпадала из системы уравнений.

Скажу, что первых трех я не особо удерживала, характер был такой: всякую низость и уродство души не выносила. Мне не было трудно, но так противно, мерзко, тошно, что должна была платить мужчине душевной щедростью и физическим комфортом за то, что его регулярно не существовало в моем быту, в моей жизни, рядом с моей душой. И просто потому, что это были настолько приземленные создания, как оказалось в итоге, что незачем было гнаться и дальше тратить свое терпение. И в сексе я не чувствовала себя женщиной, а скорее, необходимым атрибутом. Между нами была такая пропасть. А мелочь вроде заправских донжуанов, казанов я и вовсе не рассматривала.

Но вот четвертый выбил из колеи. В какой-то момент я ощутила, что это моя половинка и именно он будет тем человеком, который состарится со мной. Я во всех красках представляла себе эту картинку. Я ощущала его всей кожей, любила до дрожи во всем теле, томила по нему в его отсутствие, млела от его взгляда и слов... И, боже, как это было взаимно! Красиво, ярко, глубоко... Целая Вселенная сходила с ума вместе со мной! Я даже подумать боялась, что такое возможно!

И в один прекрасный миг все просто оборвалось, будто и не было этих влюбленных глаз, трепетных слов, дрожания душ, электричества между нами. Время просто остановилось...

— Так бывает, мне жаль, но я ничего не могу поделать,— с очевидным чувством вины сказал Четвертый.— Я больше не люблю...

Уже ничего нельзя было исправить. Из остывшего пепла не возродишь искры. Каких бы ни давал обещаний в вечной любви и верности влюбленный человек, он никогда не способен их осуществить в будущем. Любовь нельзя обещать, клясться в ее вечности, она приходит и уходит сама по себе. Это отдельная от нас субстанция, которую ни чувством долга, ни ответственностью нельзя удержать. Да и, в конце концов, вокруг столько соблазнов...

Легкие разрывало: хотелось кричать во все горло о своей боли! Волком хотелось выть, только бы кто-нибудь пожалел,

приютил мою несчастную душу. Сердце заходило от тоски и жалости к самой себе. Одиночество выматывало день за днем, тихие слезы и истеричные рыдания в подушку дома после работы выбивали почву из-под ног. Пустота разъедала душу, выжимала сердце досуха. Тоска, боль, обида, злость на саму себя за неспособность что-либо изменить – это убивало все живое во мне. Я была похожа на сломанную игрушку – красивую, но безжизненную.

Мой роман вылился в депрессию, затянувшуюся на долгие шесть месяцев с лечением антидепрессантами и походами к психотерапевту. Обида разозлила, затопила с головой, задушила... а потом иссушила и обессилила. Больше не осталось ни сил, ни надежд...

В какой-то момент я вдруг осознала: а ведь ничего и не было! Была мечта, дикое желание быть любимой и любить самой... И не быть такой одинокой...

Это был грандиозный самообман!

Была ли это неспособность к любви или сложный характер – вывод один: я неспособна быть счастливой с мужчиной... да и с людьми в целом.

Избегая людей и дискомфорта, я исчезала из одной реальности, убегая в другую. Я тратила все сбережения на путешествия по миру. Не знаю, что искала в чужих странах, но каждый раз уезжая в другую страну, испытывала какое-то нетерпеливое возбуждение, будто там меня ждало то самое, что избавит от тоски. Было много приятных моментов, но

каждый раз возвращалась с разочарованием чуть большим, чем в предыдущий раз.

Что я искала? Сама не могла ответить на этот вопрос. Казалось, что я уже тысячу лет одинока, что длится эта неумная тоска и поиск всю жизнь моей бессмертной души, если та вообще существовала.

И вот после нескольких лет одиночества Пятый, совсем неожиданный пассажир в моем поезде, повесил огромный амбарный замок на двери еле ожившего сердца. Он ничего не обещал, даже в любви не признавался, но всем своим поведением говорил о том, что он надежный и ему можно верить. С ним я узнала, какой могу быть страстной и умелой женщиной и каким может быть настоящее сексуальное удовлетворение.

А когда Пятый узнал, что я не могу иметь детей, просто исчез, даже не извинившись... Благо, что существовали электронные мессенджеры, а то никогда и не узнала бы, что я ему не пара. Как легко сейчас трусу можно избежать личного разговора, используя современные технологии...

Моя вера не то чтобы раскололась – рассыпалась... и не склеишь. Надежда взорвалась, осыпавшись горящими обломками ожиданий, опалила всю мою Вселенную. А любовь... она стала просто словом, используемым в литературе для описания чувственных отношений – выдумки человеческого разума для удовлетворения душевной потребности в некоем безумном, всепоглощающем и вечном чувстве... и

не более...

«Почему в определенные моменты жизни, особенно после каких-то похожих событий, так не хочется жить? Откуда эти сожаление, обида или злость? На кого? На себя или на обстоятельства? На себя или на того парня, который и не виноват-то вовсе? Нет, это не обида... я не обижалась ни на него, ни на себя... На себя – за что? На него – за что? Мы ведь даже не подозревали, кто с кем связывается, кто и что ожидает и о чем думает.

No expectations, говорят англичане, никаких ожиданий... Тогда откуда эта обида? Злость? Нет, досада, что в жизни все так складывается... Сплошное разочарование...»

Неизменно поражало то, что мне всегда везло в бытовых делах, в учебе, в решении жизненных проблем, меня всегда окружали нужные люди, мне оказывали помощь в трудных ситуациях, но никогда в жизни, никогда у меня не было человека, с которым я могла бы разделить свой мир. У меня была полная семья, хотя отношения между мной и родными тоже были весьма неоднозначными. В школе училась неплохо, не медалистка, но университет с красным дипломом окончила.

Если судить по тому, как реагировали на меня мужчины, я была уникальной девушкой: голубоглазая брюнетка с высокой грудью и упругой попой – все, как они любят; высокая и стройная. Хотя из-за роста – сто восемьдесят три сантиметра (а это выше всех моих одноклассников и однокурсников, за что меня и удостоили прозвищем «каланча») – парни почти

всегда комплексовали рядом. Я была прекрасным собеседником, потому что могла говорить на любые темы или практически обо всем, благо, что помогало филологическое образование и уйма прочтенной литературы. Достаточно терпелива и доброжелательна, да и страсти, и огня во мне хватало...

Только отчего-то меня выбрасывало из центрифуги жизни, а влиться в новый поток с каждым провалом уже не было ни сил, ни желания. словно силы просачивались сквозь меня. И очень часто взгляд останавливался на крышах высоток, у колес автомобиля, на рельсах поездов или на поверхности мутной воды под мостом...

Что же было не так в этой жизни? Почему с каждым годом я все больше ощущала свою абсолютную бесполезность в этом мире, бессмысленность существования вообще... и безмерное одиночество?

«Все! Баста! Больше я не играю в эти игры! Мужчина, женщина... Дружба, любовь...»

Пятый роман добил меня. Но я больше не стала использовать антидепрессанты и не пошла к врачевателям душ. Нужно было справиться самой, осознать, что больше не должна жить пустыми иллюзиями о женском счастье с мужчиной, и набраться смелости и сил, чтобы вычеркнуть эту переменную из уравнения, которое раз за разом не удавалось. Отныне мужчина – это не предмет воздыхания, обожания, всевозможных страстей и фантазий. Это инструмент, винтик в ме-

ханизме, не более того. Найти себя в этом мире – трудная задача, а для меня, как оказалось, вдвойне, однако надежда – не убиенная сущность. Стоит только создать нужный для нее вектор.

И я нашла этот вектор: полностью ушла в работу, в поддержание отношений с семьей, в свой дом как убежище, в свой собственный мир, где сама себе была опорой и утешением. Возможно, именно преподавание стало отдушиной. Я реализовывала все свои потребности в естественных эмоциях, но сближаться не требовалось и по статусу, и по этике. В какой-то степени это облегчало существование. Временами даже думалось, что все в жизни складывалось как надо, а иногда осознание своего реального положения накатывало тоскливой волной, и из отчаяния приходилось вытаскивать себя практически за волосы, как Мюнхгаузену.

И текла моя жизнь, как река безмолвная, ограниченная берегами, плескаясь, да не выплескиваясь...

Я сидела на холодной бронзовой скамье под высоким дубом в окружении однотипных оградок, выкрашенных в серебряный цвет.

Это Оляпинское кладбище моего города. А где же еще хоронить надежды, как не на кладбище? Очень символично, не правда ли?

Я приходила сюда время от времени. Мне нравилось ощущать это место. Тут я не чувствовала себя чужой, потому что

здесь не было живых. Среди мертвых я могла позволить себе быть самой собой и показать слезы. Здесь было спокойно, так тихо и умиротворенно, что, казалось, нет на Земле места безмятежнее. Даже собственные мысли отделялись одна от другой упорядоченно, словно точками в предложении. И снег в воздухе кружился в особом ритме. Я собирала его, раскрыв ладони в варежках, и сдувала, наблюдая, как направленный поток дыхания нарушает мирный ход снежинок и разрушает их.

Напротив скамьи располагалась могила, которую кто-то украсил нержавеющей памятной плитой, отполированной до зеркального блеска. Чудики!

Я уже не плакала. Я молча смотрела в безучастное металлическое зеркало. Мне не двадцать. Даже не тридцать. На лице кое-где проглядывали глубокие морщины. Кожа уже не светилась молодостью. От отчаянного рыдания несколько минут назад кожа вокруг глаз набухла, нос покраснел и будто увеличился вдвое, белка в глазах почти не было видно: ярко-голубая радужка была окутана красной сеткой сосудов. Короткие черные пряди волос выбились из-под вязаной шапочки, придавая мне вид потрепанной жизнью пьянчужки.

Я замотала головой, стянула шапочку и пригладила ежик на макушке и густую косую челку. Затем снова оделась и поежилась от прохлады.

Я не знала, что делать дальше, но заработать воспаление легких не намеревалась, поднялась и побрела в обратную от

выхода из кладбища сторону. Еще немного покоя и смиренности. Когда-нибудь я тоже займу здесь место с веселой надгробной табличкой, например: «Здесь похоронена Кира Балогова, вечно нуждающаяся в «своей тарелке».

Из кармана раздалась знакомая трель – рингтон на маму. Я вздохнула и уронила плечи. Не хотелось говорить, но, если не отвечу, она перебудит всех покойников.

– Привет, мам, – безжизненным голосом поприветствовала я.

– Здравствуй, Кира. Ты где?

– На кладбище, – усмехнулась я, прежде чем сообразила, что говорю. Совсем потеряла контроль.

– Где?! Что, кто-то умер?! – так пронзительно крикнула она, что я была вынуждена отвести руку с трубкой подальше от уха.

Пока мама продолжала что-то беспокойно выкрикивать, я, закатив глаза к небу, выдохнула вместе с небольшим облачком пара:

– Я!

– Кира, ты слышишь или нет?

– Слышу тебя, мама, не надо так кричать, – возвращая трубку к уху, ответила я.

– Что все это значит?

– Я во дворе университета, мама. Закончила работать. Иду домой.

– Ну и шутки у тебя! – недовольно фыркнула мама. – Ты

не ответила мне на эсэмэску: ты приедешь сегодня на ужин?

– Конечно, мама,– снова закатила глаза я.– Традиционно.

Как я могла не приехать на традиционный пятничный ужин? Форс-мажорных обстоятельств просто не существовало. Только не с моей мамой!

– Мне не нравится твой тон. И надень голубое платье...

И пока она давала инструкции, я уже понимала, что предстоит новое знакомство с еще одним кандидатом в мужа.

– Мама...

Но остановить танк было невозможно.

– Ты эпиляцию сделала?

– Конечно, и даже надела кружевные панталоны, кавалер оценит.

– Перестань дерзить!– возмутилась мама.– Женщина всегда должна быть в прекрасной форме. Сколько можно тебя учить!

– Мама, ты давно привила мне отменный вкус. Неужели ты думаешь, что твои инвестиции в меня кто-то перебьет?

– Вот что ты за человек такой, Кира? Ты даже комплимент не можешь сделать без остроты.

– Могу. Если вокруг будет царить чувство меры. Но пока такое явление в природе наших отношений не наблюдается.

– Я понимаю, почему твой декан не порекомендовал тебя на свое место. Кто выдержит такое высокомерие?

– Ну, для большей ясности: я и не стремилась занять место декана. А во-вторых, давай прекратим обмен любезно-

стями, и ты скажешь, когда станешь просто моей мамой, а не свахой?

– Так, Кира, перестань тыкать палкой в колесо и будь хорошей девочкой. Мы ждем тебя сегодня в семь.

– Вставлять палки в колеса, мама, – устало поправила я.

– Какая разница, Кира. Не умничай!

– Конечно, мама, я буду в семь, и ни минутой позже!

– Вот и умница!

«Будь хорошей девочкой, Кира! Ты, как всегда, справишься, – погладила себя по голове я. – Бедный папа! Как он с ней прожил столько лет? Хотя, если бы не любовь к чтению, наверное, реальность была бы для него невыносима».

С постыдной иронией я подумала, что, наверное, отношения с родителями у меня тоже не сложились бы, если бы, как ни парадоксально, они не были ими.

Отца я очень любила. Он заменял мне друзей и был добрейшим в мире человеком, но, к сожалению, слишком мягким, все принимающим близко к сердцу. С ним всегда было спокойно и уютно, но я не хотела его тревожить своими переживаниями, и чаще всего мы обсуждали только литературу. Он, как и я, любил читать.

Иногда со страхом представляла, что папа так возится со мной лишь из-за своего родительского долга, и боялась, что однажды и он окажется по другую сторону. Но, к моему безмерному счастью, папа всегда оставался единственным, кто принимал меня всю целиком и был рядом, несмотря ни на

что. Глубоких душевных переживаний я с ним не обсуждала, но во всем остальном он всегда был авторитетным советчиком, а иногда и просто молчаливым объятием разрешал все мои сомнения и терзания.

А с мамой все было сложнее. Она все время учила жизни, наблюдая мою неспособность выстроить здоровые отношения с кем бы то ни было. И ее непреклонное стремление познакомить меня с каким-нибудь молодым человеком (потому что с двадцати лет я начала быть старой девой, а так не положено, и мне обязательно надо было выйти замуж) каждый раз выводило из равновесия.

Отдельная квартира после двух лет по окончании университета стала облегчением. Но и это не явилось абсолютным спасением от материнского террора. Не успокоилась мама и тогда, когда узнала о моем бесплодии от «доброжелательной» подруги гинеколога: с неумным рвением взялась подыскивать жениха и самостоятельно проводила предварительную работу с кандидатами.

Было ужасно неловко, а иногда просто смешно, когда очередной «жених» заявлял, что готов смириться с моим недугом и взять такую «убогую» на «попечение». Конечно, это было угодно только мужчинам в солидном возрасте. Унизительно и мерзко!

В какой-то момент я просто сменила бунтарство на тактику соглашательства. Это немного, но снизило напор «благих намерений». Но в любом случае все семейные посидел-

ки оканчивались упреками, что я совсем не стараюсь быть нормальной женщиной, поучительными беседами и обсуждением новых вариантов.

«Боже, и где она их только находит?! Выписывает из эпохи совдепа?»

Еще с одним родственником, двадцатилетним Николаем, мои отношения можно было описать в двух словах: привет – пока. Добавить нечего. Брат всегда был занят исключительно своей жизнью, хотя отношения у него тоже не складывались... с женщинами. Но он никогда не доставлял хлопот ни родителям, ни мне и проявлял несвойственную ему в обычной жизни теплоту три раза в год: на мой день рождения, новый год и восьмое марта, преподнося нестандартные подарки и обязательно конфеты с марципаном – единственную сладость, на которую у меня не было аллергической реакции. И еще, если брат присутствовал на одном из традиционных пятничных ужинов, то всегда сочувствовал мне по поводу стараний матери.

Мы редко сталкивались с Николаем в повседневной суете, только если решали семейные вопросы. Конечно, я всегда могла к нему обратиться за помощью в случае чего, и он искренне и добродушно помог бы, однако предпочитала решать свои проблемы самостоятельно. Если бы мама не была носителем устойчивого невроза «выдать замуж дочь», то, возможно, и с ней отношения могли сложиться по формуле «привет – пока».

С другой стороны, безумная потребность мамы в моем благополучии, иногда спасала от депрессии. Ей нужно было выполнить свою материнскую программу на каком-то кармическом уровне, и она просто вытряхивала из меня эмоции, на которые я уже, казалось, не была способна.

«Итак, ужин в семь! Нужно забрать голубое платье из химчистки. И почему бы не прикупить панталоны? Пенсия не за горами!»

Глава 2. Хлеб насущный

Декабрь был холодным, как никогда. Циклоны находили один за другим. Все это не предвещало ничего хорошего. Природа бунтовала вместе со мной из-за несправедливости жизни. Хотя, конечно же, никто никому ничего не был должен.

Работала я на факультете филологии на кафедре литературы после того, как окончила филологический факультет Санкт-Петербургского университета, и преподавала в основном современную и античную литературу. Мои декабрьские выходные были посвящены анализу литературных произведений Пелевина и Улицкой для подготовки к открытому семинару. Мне предстояла очередная аттестация. Вынужденная необходимость соблюсти все формальности делала из меня добропорядочного служителя высшей школы. Я не усложняла себе жизнь. Зачем противостоять системе, если я

и так была за ее пределами: мир не принимал меня, так хоть проблем в социуме не было.

Мир выдуманных героев позволял спрятаться от реалий бытия. Слава всем античным богам, что существовало так много фантазеров, которые увлекали своими выдумками, и переносить реальную жизнь становилось легче. Однако даже нескольких пар не всегда было достаточно, чтобы заполнить весь день активной деятельностью. Поэтому я нашла подработку в качестве редактора.

От одного из крупных издательств нашего города мне поступило несколько заказов на редакцию художественных произведений современных писателей. И в ходе ежедневной внеурочной работы я не заметила, как увлеклась чтением фэнтези.

Некоторые авторы были весьма посредственны в выражении мыслей и фантазии, а от некоторых работ просто дух захватывало. Невольно поражало, что у кого-то настолько активное воображение, способное оторваться от устойчивых стереотипов, взмыть в такие высоты и ни на грамм не оказаться банальным, наивным и предсказуемым. Иногда это даже спасало от той тоски, которую я регулярно таила и подавляла в себе. Чужой мир, проживание жизней вместе с героями, невообразимые персонажи и столько магии вокруг... И практически везде присутствовал пресловутый Harry End. А что было нужно уставшему сердцу, как немного меда на рану?!

Сегодня было воскресенье. Коллега Ася уговорила составить ей компанию в ночном клубе для более успешного знакомства с ее новым мужчиной. По доброте душевной я не отказала. Потому что просто хотелось выйти из четырех стен хоть куда-нибудь и одновременно избавиться от гадких воспоминаний от пятничного ужина в доме родителей.

Но я совершенно точно знала, как пройдет сегодняшняя вечер: и мое настроение, и неумные жалобы коллеги на жизнь, поведение мужчин, которых она выбирала (они пользовались ею и исчезали)... А потом появится еще один занудный тип, которого тоже надо будет потерпеть... Так что все просто замечательно. Единственное, что должно было спасти – это громкая музыка и алкоголь. На текилу у меня не было аллергии, хотя с лимоном она была бы намного приятнее. Но одного горького опыта достаточно: цитрусы не мой фрукт. Главное, нужно вовремя унести ноги, чтобы завтра текила не сказала на работе.

У входа в клуб я появилась в темных плотных джинсах и в черном норковом полушубке. Грохот клубной музыки простреливал сквозь стены здания. Ожидая Асю, я осмотрела окна соседних жилых домов и мысленно посочувствовала жильцам.

Ася появилась вовремя в своем неизменном «кукольном» наряде. Она всегда знакомилась в этой нелепой униформе: ярко-розовые стрейчевые джинсы, под розовым пуховиком

розовая приталенная рубашка, розовая помада и розовый лак на ногтях. Ассоциация с пирожным, как казалось Асе, покорит любого парня, и любые доводы против только ввергали ее в уныние. Потом она хвасталась фотографиями с «покоренными», которые, как оказывалось, увлекались ею ненадолго. И весь коллектив в течение нескольких недель проявлял участливое внимание к судьбе бедняжки.

Я даже немного завидовала ей: через пару месяцев Ася уже и не помнила о разочаровании и готовилась к новому свиданию. Жизнь была ключом в этой девушке. Но характера «блондинки» было не отнять.

После осмотра службой безопасности клуба мы прошли в зал. Мельком осмотрев контингент, я грустно улыбнулась. Это был не «Озирис», где я часто бывала и довольно хорошо проводила время со знакомым барменом Борисом и бутылкой текилы. Здесь собрались молодые люди от семнадцати до двадцати пяти, не больше. По тому, как оглядывалась на меня молодежь, я понимала, что мой возраст вышел из категории ее интересов. Асе было в самый раз. По-моему, ее не волновали все эти вопросы. А меня не прельщали двадцатилетние юноши, да и нимфоманией не страдала. Единственное, что могло вытравить ощущение стареющей девы, – алкоголь. Поэтому сегодня я намеревалась напиться.

Мы заняли столик рядом со сценой, вблизи от бара, чтобы легче управлять своими заказами. Ася заказала невероятно-го цвета коктейль в фужере для мартини, а мне текилы...

три.

– Как ты пьешь такую гадость?– спросила Ася, кивая на мои стопки и морща свой остренький носик.

– Все просто: на все остальное у меня аллергия,– улыбнулась я, подмигнула и опрокинула первую стопку текилы.

Ася брезгливо сглотнула и сочувственно поджала губы.

– И откуда такое странное название?

– Тут тоже все просто – это название города, где ее производят.

– И откуда ты столько знаешь о всякой ненужной ерунде?

– Еще проще,– засмеялась я,– я много читаю. Обо всем! Как же я могла не изучить напиток, на который у меня нет аллергии? Это редкое явление в моей жизни.

– Как ненормально, что врачи не могут найти причину твоей болезни,– посочувствовала коллега.– Она даже названия не имеет...

– Почему же,– усмехнулась я, залпом выпивая вторую стопку,– у нее вполне конкретное название и причина: аллергия на жизнь!

Ася недоуменно поморгала густо накрашенными ресницами и проронила:

– Мне очень жаль...

– Не стоит,– перебила я, чувствуя, как текила растекается внутри приятным теплом.– О, а это не твой знакомый?

Как я и предполагала, перед нами предстал очередной денди – метросексуал в не менее нелепом одеянии, чем кол-

лега. Мне даже не пришлось особо рассматривать нового мужчину, потому что это был клон предыдущих версий. Ася снова наступала на те же грабли. Я склонилась к столешнице, будто рассматривая, что в моей стопке, но на самом деле пыталась не рассмеяться. Самоконтроль начинал ослабевать: я не ужинала и теперь быстро пьянела.

Назвался денди Роном, а как позже выяснилось, просто Андрей. На вид ему было около тридцати, но по первому приветствию, шуткам и ужимкам – не больше двадцати. У него были отполированные ногти, выбритые виски и затылок, но зато на макушке красовался густой идеально уложенный волной чуб. Я удержалась от лестных замечаний и почти нестерпимого желания потрогать ее.

«Какое безобразие!»

Я взлохматила короткие волосы на макушке, смахнула челку с глаз и, поставив локти на стол, подперла подбородок ладонями. Хотелось смеяться и плакать одновременно, и только легкий мороз по коже и какая-то ноющая боль в висках возвращали к трезвой оценке своего поведения.

Андрей прилагал все усилия, чтобы очаровать не только Асю, но и меня. Я проявляла снисходительность. Развлекала только его целеустремленность и уверенность в своей неотразимости.

Я цедила третью стопку текилы, небрежно слизывая кристаллы соли с губ, и какое-то время старательно поддерживала разговор. Но потом внимание Андрея стало невыноси-

мо навязчивым, и пришлось скрыться в танцевальном зале под предлогом случайной встречи с парой одноклассников.

Музыка грохотала. Блики диодных ламп в темноте скрывали все лишнее от глаз. С текилой было весело. Это единственная «подруга», которая сейчас мне требовалась.

Танцевала я неплохо и от души. Маменькиными стараниями окончила школу танцев в средних классах. Оттуда же была моя стройная осанка и женственная походка. Выброс адреналина и накопившегося раздражения облегчал меня, тем самым освобождая место терпению для новой недели. Однако выпила я не так много, как могла бы, но отчего-то сегодня безумно болела голова. Сначала я думала, что это Андрей утомил своим «обаянием». Ведь когда покинула наш столик, стало легче. А потом боль снова вернулась на танц-поле. Виски сдавливало будто клещами. И в целом в теле был какой-то дискомфорт: то колючие мурашки по позвоночнику, то мороз по коже.

«Может, я впервые в жизни подхватила грипп и только что заразила целую толпу беснующейся молодежи? Что я здесь делаю? Я лишь убиваю время. А оно – меня... Пора уходить!»

Я пробралась через толпу танцующих в зал, где были коллеги с денди, и вежливо попрощалась, сославшись на простуду. Одинаково расстроились и Ася, и Андрей.

«Странно, разве она не хотела бы остаться с ним наедине?!»

Когда я выбралась из шума, смеси запахов табака, пота и парфюма на свежий морозный воздух, то буквально ожила и, кутаясь в широкий шарф, побрела на стоянку такси. Удручало одно: каждый раз одно и то же. Снова разочарование... Это как добавлять в пробирку одни и те же ингредиенты в одинаковой пропорции и ждать нового результата.

Требовалось ударная доза витамина С, меда с чесноком и моя любимая мягкая постель, и я быстро встану на ноги, даже если это грипп. Не помню, чтобы я когда-нибудь им болела, но, когда у меня бывала температура, мама лечила именно таким способом. И уже через несколько часов я не чувствовала ни единого признака болезни. Даже странно как-то...

Глава 3. Неожиданный звонок

Настал новый понедельник еще одной предновогодней недели в моей жизни. Совсем скоро Новый год, а я одна. Снова одна. Всегда одна...

Удивительный этот праздник – Новый год! Мы так радуемся, что он наступает. Это самый большой светлый, яркий, богатый, феерический праздник. Но вот что удивительно и парадоксально: Новый год – это еще один год жизни, который не прибавляет молодости и шансов чего-либо достичь, это еще одна черта, подведенная под очередными неудачами, еще одно осознание, что ты и в этом году мало преуспел

в обретении счастья.

Но вот штука! Каждый Новый год ты, как пятилетний ребенок, веришь, что произойдет чудо, и вдруг откуда ни возьмись привалит счастье – настоящее, долгое, всеохватывающее, счастье, которое оживит очерстевшую душу, раскроет глаза на многие вещи, которых не замечаешь в каждодневной суете, окрылит и подарит возможность одарять других...

«Сказочные убеждения из детства! Я мыслю, как пессимист. Это правда. Только что же здесь неверного?»

Грусть затапливает все мое существо, когда проходят эти «сказочные» новогодние каникулы, и каждый ушедший день удаляет меня от ожидаемого чуда. Но я ведь все еще живая! Я все еще чувствую, что что-то во мне теплится, живет, зреет, но почему-то не находит в этом мире места.

Мой день был насыщен занятиями и внеурочной работой со студентами. Несмотря на бурное веселье с текилой прошлым вечером, открытое занятие прошло на ура, в чем и не возникало сомнений.

Понедельник был единственным днем, когда у меня не было свободной минутки для посиделок на кафедре с коллегами, а рабочий день заканчивался. Коллеги поздравили с началом успешной аттестации, оставив на моем столе пирожные с шампанским, не подумав, что я не могу насладиться ни тем, ни другим вместе с ними. Когда у тебя нет аллергии, трудно представить себе, что у кого-то она присутствует

буквально на все.

В кабинете оставалась только Ася – наш методист. Я незаметно сложила угощения в общий шкафчик с провизией для чаепитий и присела собрать свою сумку.

Ася, делая вид, что завершает работу на компьютере, осторожным тоном поинтересовалась:

– Как твое здоровье, Кирочка?

– Я вовремя вчера успела принять витамины, чувствую себя хорошо, – с усмешкой отчиталась я, хотя, когда пришла домой, забыла обо всем и просто заснула мертвецким сном.

– А мы с Андреем вчера так хорошо посидели...

Вот уж мне совсем не хотелось слушать про ее отдых и знакомство, но из вежливости удерживала заинтересованную улыбку на лице.

– ...Андрею тебя очень не хватало.

Движения рук замедлились, дежурную улыбку смыло с лица, и я пристально посмотрела на Асю. Та неловко улыбнулась и спрятала глаза в своих бумагах.

– Что значит – «Андрею меня не хватало»?

Ася сначала сжалась вся, как нашкодивший ребенок, но потом осмелела, повернулась и выставила руки на бедра.

– Ну сколько еще тебе можно быть одной? – звонко произнесла она.

– Что?! – чуть не подавилась я.

– Что, что, Андрея я нашла для тебя. А мне нравится его друг – Миша.

«Похоже, у «блондинки» воспаление мозга!»

– Прости, Ася, а я просила тебя об этом?– сдерживая себя то ли от смеха, то ли от негодования, высказала я.

– Нет, конечно!– защищаясь, вспыхнула Ася.– Но ты и не попросишь!

– Ах, это ты у нас такая инициативная?

Я поднялась с кресла и накинула ремешок сумки на плечо.

– Ася, у нас с тобой чисто деловые отношения. Я помогла тебе пару раз из солидарности, но не путай это с личными отношениями,– максимально вежливым тоном сказала я и, захватив пакет со студенческими работами, вышла из кабинета.

– Ну почему ты такая странная?!– послышалось за закрытой дверью кабинета.

«Я когда-нибудь тресну по лбу этой бесцеремонной девице!»

На автобус успела по расписанию. Иначе в такое время пришлось бы мерзнуть на остановке еще минут двадцать.

Из головы не выходила нелепая ситуация с Асей: я практически указала ей не соваться в мой мир. В мой обособленный, набитый хаосом, отчаянием и безнадежностью мир.

«Наверное, я проявила излишнее пренебрежение, но все же, куда она лезет со своей кукольно-розовой философией? Блондинка! Что с нее взять? Завтра будет дуться, а еще противнее, что наивно рассказывать остальным коллегам о

неоцененной добродетели...»

Зазвонил чей-то мобильный телефон. Совсем близко, как будто у меня в сумке. Я невольно улыбнулась, потому что заиграла приятная мелодия из моего детства в современной обработке, и продолжила смотреть в окно. Я почти подъезжала к своей остановке.

«Такая погода угнетает! Жаль, что я так и не завела свой автомобиль. Вот бы снова не прозевать свою остановку. В последнее время я стала такой рассеянной. Это все не проходящая депрессия. Что с этим делать? Надо чаще отдыхать, а не работать ночи напролет...»

А мелодия все играла и играла. Люди в автобусе стали раздраженно оборачиваться, но я не реагировала на них.

«Вот странный этот кто-то! Зачем брать с собой телефон, если не отвечать на звонок?»

Я нахмурилась и оглянулась назад. Но рядом со мной сидели только старичок с внуком на коленях и две молодые женщины, которые уже переписывались в соцсетях. А женщина, сидящая с другой стороны, недовольно косилась на мой пакет в руках.

– Что ж ты трубку не берешь, дочка, вона, как разрывается?– неожиданно спросил старичок, поймав мой взгляд.

Я недоуменно посмотрела на свою сумку и с полной уверенностью ответила:

– Но это не мой телефон, дедушка.

– А что здесь светится?– тут же вступил мальчик и ткнул

своим маленьким пальчиком в мой пакет.

Я опустила глаза вниз, и правда: сквозь полиэтилен что-то мигало разными огоньками.

– Странно!– удивилась я и заглянула внутрь.

Там действительно лежал мобильный телефон, но не мой.

– Вот так дела!– проговорила я, недоумевая, откуда тот появился, и тут же вспомнила, что сейчас нужно не пропустить свою остановку.

Автобус остановился, и я еле успела повернуться к двери и, перепрыгнув ступеньки, выбраться на улицу. Уже на остановке достала из пакета незнакомый телефон, огляделась вокруг и поднесла трубку к уху.

– Да...

– Почему вы так долго не берете трубку?– раздался возмущенный мужской голос.

Я даже растерялась от такого нахальства.

– Была занята...– ответила я, спустя несколько секунд, но не успела продолжить, как голос оборвал меня.

– Я рад, что все же дозвонился. Простите, не поздоровался. Здравствуйте! Как настроение?

– Настроение?! Вам действительно это интересно?– недоуменно остановившись и еще раз взглянув на трубку, спросила я.

– Раз я спрашиваю, то – да,– вроде бы искренне ответил мужчина.

– Хм, что ж, настроение замечательное, а у вас?– усмехну-

лась я и медленно побрела в сторону своей улицы. Нежданная забава вовсе ни к чему не обязывала.

– Теперь превосходное!– весело ответил тот.

– А вы представляете, с кем разговариваете?

– Совсем немного, но... да.

Я снова остановилась и подозрительно нахмурилась.

– И с кем же, по-вашему?

– Э-эм... вам примерно около тридцати – тридцати трех, метр восемьдесят, примерно, вес около семидесяти пяти. Голубоглазая брюнетка... Ах, да, у вас потрясающая улыбка! Но почему-то очень грустные глаза. Что должно произойти в жизни молодой красивой женщины, чтобы у нее были такие грустные глаза?

Удивительно, но я не была настроена агрессивно. Во мне пробудились давно уснувшие любопытство и азарт.

– Да уж... Вы наблюдательный. А за комплимент о возрасте – спасибо,– прищурилась я и оглянулась, уверенная, что обнаружу незнакомца неподалеку.– Вы хоть немного представляете, с кем говорите, я же – совершенно не имею представления!

– Простите, не представился. Марк. Уверен, ваше имя ласкает слух...

– Очень интересно, Марк. А как же ваш телефон попал ко мне в пакет?– ответила я вместо своего имени, так никого и не заметив вокруг.

– Знаете, я человек занятой и не посчитал, что на улице у

нас хватит времени познакомиться по-человечески. К тому же существует огромный стереотип, который, я думаю, и вас не обошел своим вниманием, что уличные знакомства не могут оставить позитивные эмоции на перспективу. Обычно улица вызывает напряжение и подозрительность. Извините за такой способ.

«А он, однако, сообразительный,— промелькнуло в моей голове.— И довольно складно говорит...»

— Хм. Своеобразный способ знакомства. А телефон вам не жалко? Дорогой ведь! Я могу его и не вернуть. Я же просто девушка с улицы.

— Не думаю. У вас голос очень приятный и характеризует вас только с положительной стороны,— уверенно заметил тот.

— Ладно, льстец. Значит, вашей целью было познакомиться со мной? Кстати, такой способ знакомства не менее подозрителен!

— Вы совершенно правы. Но я до сих пор не услышал вашего имени?

— Так заинтересуйте меня, чтобы я захотела назвать вам его.

— Кроме того, что вы мне очень понравились, я приглашаю вас на крысиные бега во вторник в пять вечера на Островском переулке.

— На чьи бега?!— переспросила я, думая, что ослышалась.

— На крысиные. Конечно, для ушей девушки крыса чаще звучит омерзительно, но я гарантирую, вам понравится. Это

очень красиво.

– Красиво?! Слушайте, вы жуткий оригинал. Кстати, вы знаете, ваш мобильник почти разряжен?

– Ух ты, вот это упущение. Не подумал зарядное приложить, – сыронизировал незнакомец. – Но это ничего. Увидимся на крысиных бегах во вторник в пять. Запомнили?

– Погодите, я не давала вам своего согласия, – заторопилась я, понимая, что он сейчас положит трубку.

– Но вы хотите вернуть мне телефон? Вы же не какая-нибудь девушка с улицы? – улыбнулся мужчина в трубку, и связь прервалась.

«Что это еще за нелепые шутки?!»

Я недоуменно посмотрела на мобильник, будто он должен был объяснить все одним своим видом, но так ничего логичного и не придумав, положила его в сумку и пошла домой.

«А голос был приятный!»

До того, как несколько лет назад я добровольно отказалась от отношений с мужчинами, много раз представляла себе, что бы сказала человеку, который просто подойдет на улице и решит познакомиться со мной. В мысленной игре все просто идеально: я знаю, что скажет он, знаю, что отвечу я, смоделирую целую Вселенную вокруг нас... Но это были всего лишь фантазии. Я давно уже перестала замечать реакции мужчин на себя. И теперь вдруг такое нестандартное знакомство, на которое нельзя было не обратить внимания,

хотя бы только потому, что дорогой телефон следовало вернуть владельцу. Ведь если он знает, как я выгляжу, умудрился его подложить, значит, найдет способ и предстать передо мной в своей оригинальной манере.

«Это же надо – придумать такое?! Что ж, пусть эта маленькая забава развлечет меня! Все равно от скуки умираю...»

Однако оставшийся вечер и бессонную ночь я провела в глубоких раздумьях.

«Часы медленно отсчитывают минуты, дни, годы... Глухой, беспросветной чередой тянутся недели, принося с собой стремительно растущее беспокойство за бессмысленно бредущую жизнь. Я уже не чувствую себя человеком, способным что-либо изменить. Жизнь наполнена созданными мной ритуалами, правилами, которые скрашивают обыденность дней и затуманивают мысли, но отнюдь не решают главной проблемы. Я, как тростинка в болоте, прикрепленная ко дну корнями, стою на ветру в непогоду, зимой и летом, постепенно теряю свою гибкость, сочность, окраску, сгибаюсь к воде и, в конце концов, оторвусь от корня, кану, и буду болтаться где-то между землей и поверхностью мутной воды, пока не сгнию...

Пафосно, но как четко... Как же я дошла до такого? Ведь жизнь течет во мне! Я вижу радость, доброту, красоту... так хочется жить, радоваться всему, совершать что-то героическое, невероятное, быть признанной... Но боже мой, словно регулярно срабатывает незримый ограничитель, словно си-

лы просачиваются сквозь кожу и утекают в землю: ни живая, ни мертвая, ни холодная, ни горячая, ни то ни се...»

Я уснула за пару часов до будильника.

Глава 4. Голубые тюльпаны

Проснувшись утром, я вспомнила: «крысиные бега»...

«Крысиные бега?!»

Да, мне снились белые крыски с пушистыми хвостами и неожиданно большими, как у лемуров, глазами цвета молочного шоколада.

Свесив ноги с кровати и болтая ими, я смеялась всплывающим из сна картинкам. А затем живо вспомнила вчерашний вечер. Знакомство по телефону, умышленно подкинутому, вновь меня позабавило и создало неожиданно легкое настроение.

Я давно перестала быть романтиком, особенно после «наисчастливейших» отношений, и это событие не впечатлило настолько, чтобы задуматься о чем-то серьезном. Чтобы вообще задуматься... Ни один мужчина уже не мог меня заинтересовать, если он не был средством для достижения какой-либо цели. И новый оригинальный знакомый не входил в мои планы. Но тем не менее настроение играло красками.

Я неспешно шла по коридору университета, любезно при-

ветствуя всех, кто встречался на пути к кабинету. День обещал быть загруженным и нудным: три пары у первокурсников, хуже некуда, но я не ощущала раздражения и уныния. Это была всего лишь работа. Я выполняла ее на автомате.

Пройдя длинный коридор, я глубоко вздохнула перед тем, как войти на кафедру литературы. В это время методист Ася, вероятно, уже выговорила насчет неудавшегося знакомства меня с Роном, переварила охи коллег и заела разочарование сникерсом, а сейчас, скорее всего, начнет восторженно вскрикивать по поводу моей новой кофточки и сетовать на свой вес. И все это надо выслушать и достойно отреагировать, чтобы в перерывах между парами наслаждаться покоем, а не звоном ее голоса. Девушка – колокольчик по природе своей.

Я натянула дежурную улыбку и взялась за дверную ручку.

– О, Кирочка, доброе утречто!– весело залилась Ася.– Ой, на тебе новая блузка?! Тебе очень идет!

– Привет, привет, Асенька. Спасибо, ты, как всегда, очень щедра на комплименты. Мне кажется или ты за выходные похудела очень?– тут же вставила я, предупреждая ее занудный монолог о своем теле. Теперь она будет довольно улыбаться весь день и уже не заговорит на избитую тему. И хорошо, что она уже не злится на меня за вчерашний выговор.

– Да, да, Ася похудела,– поддержала мысль догадливая Мария Петровна Карлова, специалист нашей кафедры по истории древнерусской литературы.

– Доброе утро, Мария Петровна.

Карлова добродушно улыбнулась мне и занялась своими учебными программами.

Видимо, я оказалась права: в глазах Аси заплескалось умиротворение, она польщенно улыбнулась и кивнула в сторону моего стола.

– К тебе гость...

Улыбка медленно растворилась. Я повернулась к рабочему месту и увидела молодого мужчину с мини-букетом голубых тюльпанов.

«Голубые тюльпаны?! В декабре?! Искусственные?»

Сначала я внимательно посмотрела в глаза мужчине и только потом медленно пошла к нему навстречу. Мужчина был не в моем вкусе и к тому же слишком молод: двадцать – двадцать три.

– Доброе утро, служба доставки, – приветливо проговорил парень и с улыбкой протянул букет.

– Уф, слава богу! – усмехнулась я и опустила глаза на букет, оправленный тонкими кружевами: тюльпаны были настоящие. – А то мне очень не хотелось бы обижать вас, юноша.

«Кира! Зачем ты обижаешь этого мальчика? Он-то причем?» – упрекнула себя за столь глупое замечание. Последнее время я игнорировала всякую цензуру.

Молодой человек недоуменно нахмурился, но сделал шаг навстречу, вручил букет и квитанцию о доставке.

– Распишитесь, пожалуйста.

– Ой, такого у тебя еще не было!– восхитилась Ася и расплылась в умильной улыбке.– Что это за вид тюльпанов?

– Королевские карликовые тюльпаны из Голландии,– профессионально ответил курьер.

Я оценивающе окинула крохотные голубые бутоны и, вздернув бровью, с усмешкой поинтересовалась:

– Что, прямо из Голландии?

– Да.

– Карточка будет?

– Да.

Курьер вынул из сумки объемный бумажный пакет и протянул. Я прищурилась и оглянулась на Асю, шаркающую ба-летками у меня за спиной.

«Даже пяти минут не может смирно постоять!.. Ужас, какой ты стала раздраженной по отношению к людям!»– проворчал внутренний голос.

– Это карточка?

– Это все вам. Вы могли бы просмотреть содержимое при мне? У меня еще несколько заказов. Я тороплюсь.

Чувствуя, как начинает чесаться кончик носа и хочется чихать, я положила букет на свой стол и отодвинула его подальше к стене, а затем открыла пакет.

Ася приподнялась на носки и заглянула из-за моего плеча.

– Что это, Кирочка, а?

Едва взглянув внутрь, я догадливо улыбнулась и присела

в кресло.

– Спасибо,— все, что ответила я на вопросительный взгляд курьера.

Курьер вежливо улыбнулся и сказал:

– Воспользуйтесь этим прямо сейчас.

– Это все?— строго спросила я и пристально посмотрела в глаза парня.

– Все. Всего доброго,— ответил молодой мужчина и с чувством выполненного долга вышел из кабинета.

Проводив его взглядом до двери и поприветствовав вошедших коллег кивком, я достала из пакета зарядное устройство и положила его на стол.

– Ой, а че это?— хрюкнула от смеха наш лаборант Валентина.— Голубые тюльпаны?!

– Какой странный презент!— поморщилась Ася.

– Правда что,— согласилась я.

– Мило, мило,— вежливо отозвалась Мария Петровна и снова окунулась в чтение своих программ.

Я собиралась вернуть неожиданному знакомому – Марку – телефон и по этой причине взяла его с собой, чтобы появиться на тех самых крысиных бегах после рабочего дня. А зарядное устройство было предназначено для непосредственного контакта с Марком прямо сейчас.

– Ничего не хочешь рассказать?— любопытствовала неугомонная Ася.

– Нет,— вежливо улыбнулась я и достала из сумки телефон

незнакомца.

Не удовлетворив до конца свое любопытство, Ася отправилась на рабочее место и сделала вид, что загружена работой.

Через несколько минут после подзарядки телефона раздался звонок. Ася вытянула шею в мою сторону, настраивая свои уши-локаторы. Я отошла к окну в конец кабинета и, взяв трубку, произнесла:

– Снова оригинальничаете?

– А вы все также неприступны? Доброе утро!– раздался приятный, бархатный голос Марка.

«Пф-ф, и когда он вдруг стал приятным для меня?!»

– А вы навязчивы...

– Как вы смотрите на предложение пообедать сегодня со мной? Ведь у вас есть обеденный перерыв между занятиями?

– Конечно, как у всех нормальных людей. Но у меня нет желания обедать с вами. Я вас не знаю, никогда не видела, даже не знаю, будете ли вы мне интересны...

– И не хотите это узнать?

– Не горю желанием,– с некоторым равнодушием отказалась я.

– Очень хочу познакомиться с вами,– не реагируя на отказ, мягко перебил Марк.

– Если вы заслуживаете внимания – удивите меня, может, я и захочу встретиться с вами,– неожиданно для самой себя игриво ответила я и брезгливо посмотрела на голубой бу-

кет.— И никаких цветов, у меня на них аллергия.

«Я флиртую?!»

— О, прошу прощения. Я этого не знал. Но вот разве тюльпаны зимой недостаточный повод для удивления?

— Ну-у-у,— задумчиво протянула я, пытаюсь придумать достойную остроту,— сейчас и овечку можно клонировать.

— Что ж, тогда мне остается ждать вас на крысиных бегах. Вы будете удивлены. Вы же придете?

— Только потому, что у меня свободный вечер, я зайду на это мероприятие. К тому же не люблю, когда у меня находится чужая вещь.

— Не скрывайте, Кира, вас чрезвычайно заинтересовало приглашение на крысиные бега?— довольно усмехнулся Марк.

— Я не называла вам своего имени!— подозрительно прищурилась я.

В трубке послышался еще более веселый смех с хрипотцой.

— Ваше имя сообщил мне курьер, когда отчитывался о доставке.

— Что ж, так и быть, поверю вам,— не веря ни единому слову, ответила я.

— Итак, в семнадцать ноль-ноль на Островском переулке. Успешного дня, Кира!

— И вам, Марк,— тихо попрощалась я и украдкой оглянулась на коллег: не подслушивали ли они. Не хотелось оправ-

дываться.

Убрав тюльпаны на подоконник за занавеску, я присела за рабочий стол и стала просматривать свой ежедневник. Но только ничего не запомнила из того, что там прочла, мысли были где-то далеко: то ли за пределами нашей Вселенной, то ли на Островском переулке...

«Не знаю... Странно все это...»

До начала занятий было еще минут пятнадцать. Я успевала выпить чаю, хотя безумно хотелось кофе, соблазнительный аромат которого всегда витал в воздухе у столовой, но на него у меня тоже была аллергия.

«Вот интересно,— в очередной раз задумалась я,— еще не встречала в жизни человека, у которого была бы аллергия на кофе! Я просто уникальный биологический организм! Хм, кафедра анатомии и физиологии человека была бы явно заинтересована моим трупом! Надо будет в будущем завещать свое тело нашей лаборатории...»

Из привычно бредовых мыслей вырвал гортанный хохот Валентины, хотя больше похожий на хрюканье.

— Аська, ты в своем амплуа! Новый год уже с сентября празднуешь!

— Валечка, здесь уместнее было бы сказать — «в своем репертуаре»,— вежливым тоном поправила лаборанта Мария Петровна, деликатно поправляя оправу очков.— Ты же работаешь на кафедре литературы!

«Вот от кого я переняла привычку поправлять маму»,—

усмехнулась я.

— Да ладно вам,— отмахнулась Валентина,— не на кафедре же русского языка.

Мария Петровна лишь добродушно покачала головой и отвернулась.

— Коллеги, а как вы будете праздновать Новый год?— пролепетала вездесущая Ася, привычно посасывая кончик изрядно погрызенного карандаша и мечтательно закатывая глаза.— Вот я отправлюсь с моим Мишкой в путешествие по золотому кольцу России. Это будет чудесно!

Валентина, страдающая излишним весом, со скрипом развернула свое кресло и, как всегда, тяжело выдохнув перед началом разговора, заявила:

— Накроем стол, обожремся, послушаем президента и спать. Че тут думать?

«Как всегда — человек без фантазии и излишков воспитания!»

— Как, как — таз оливье, отбивные, мандарины, застольные песни и пьяные гости под елкой,— рассмеялась Мария Петровна.— Это незыблемая традиция семьи Карловых.

Я невольно улыбнулась прозаичности жизни и перевела ожидающий взгляд на еще одну коллегу, преподавателя зарубежной литературы Гертруду Кузьминичну Васьковскую, которая будто и не замечала нас всех с самого своего прихода.

«Боже, и кто назвал эту бедную женщину таким нелепым

именем?!»

— А по-моему, этот новый год будет таким же, как и все предыдущие,— откликнулась она тихим, каким-то бесцветным голосом.

Утомленно сомкнув веки, Гертруда Кузьминична откинулась на спинку кресла и ровно задышала, как если бы пыталась сдержать слезы. Ей было уже пятьдесят восемь. Она жила совсем одна где-то на краю города в коммуналке.

Я почувствовала знакомые нотки одиночества и представила, как было холодно и тоскливо в ее доме. И даже ее питомцы, красовавшиеся в рамке на рабочем столе — кошка Мелена и кобель Дионис — не могли дать ей того тепла и радости от жизни, в которых она так нуждалась. Я посочувствовала ей, отбрасывая леденящие мысли о том, что вижу перед собой свое будущее... Только вот питомцев я тоже завести не могла... Но подумала о том, что обязательно навещу коллегу первого января с корзинкой пушистых сдобных булок, ее любимых, французских.

Пауза затянулась. Когда все обернулись в молчаливом ожидании моего ответа, у меня засосало под ложечкой: не хотелось даже мысленно касаться представлений на эту тему. Я буду с родными. Все мы будем радоваться новым блюдам на нашем столе, смотреть новогодние телепередачи, вспоминать прошлое... А под радостной оболочкой меня будет снедать тоска.

Я знала, чем закончится новогодняя ночь. Тем же, чем

и всегда: крахом надежд. Только в этот раз все ощущения будут сильнее в несколько раз. Ведь последний полученный урок на тему «Любовь и мужчины в жизни Киры Балаговой», который дал окончательное представление о безнадежности и бессмысленности моего бытия, незабываем, особенно при «безобидных» напоминаниях мамы. Сомнений в этом нет.

– Этот новый год будет особенным!– несколько громче, чем хотелось, с бравадой произнесла я.– Все будет иначе! Абсолютно!

Не знаю, кого я убеждала больше: себя или коллег, которым, по сути, было глубоко все равно что и у кого изменится в следующем году. Наверное, просто хотелось хотя бы им казаться более счастливой, чем ощущала себя сама. Представь себя неудержимо веселой, и через какое-то время настроение изменится в лучшую сторону,– что-то из этой оперы.

– Как загадочно!– отметила Гертруда Кузьминична, приоткрыв глаза.

– У тебя что-то намечается?!– хитро прищурившись, воскликнула Ася.– Вот эти тюльпаны... Ты что-то скрываешь? Ты же нам потом расскажешь?

Веселый смех Аси наполнил кабинет. Вот уж, у кого вместо мозгов были одни «позитивно заряженные ионы»!

– Конечно, Асенька!– притворно оптимистично улыбнулась я и так же озорно крутнулась вокруг оси в своем кресле.– Ася, я сегодня уйду пораньше. Сразу после трех пар.

Если будет искать декан, скажешь, что я на дополнительных занятиях в другом корпусе.

– Хорошо, Кирочка. Я прикрою.

– Отлично! Всем плодотворного дня...

И, прежде чем выйти из кабинета, я оглянулась на окно перед своим столом.

– И, Асенька, можешь забрать королевские голубые тюльпаны себе.

Восторженные восклицания и благодарности дослушивать не стала и отправилась на первую пару.

«Чаю мне так и не дали выпить!»

Глава 5. Крысиные бега

На последнем занятии один из студентов в очень некорректной форме высмеял мой литературный анализ произведений братьев Стругацких. И ведь понимала, что сделал он это, скорее, из-за вредности, чем из идейных соображений, но меня задело. Я впервые поставила студента на место в грубой форме с изрядной долей сарказма и выказала пренебрежение к его человеческой сущности. Остальная группа была в недоумении. Юноша прикусил язык и уже вряд ли когда-нибудь осмелится мне противостоять.

В момент, когда я покидала аудиторию с затихшей публикой, моя совесть потчевала на лаврах самодовольства. Но когда вернулась на кафедру – одолели досада и грусть. И не

потому, что я была не права и перешла на личности, и не потому, что этот выскочка задел самолюбие или усомнился в моей грамотности, и не потому, что догадывалась о последствиях своего поведения, а потому, что во мне накопились отчаяние и злость и выхода в достойной форме еще не нашли. Такой способ был неприемлем. Нельзя решать свои проблемы за счет других, даже если те вели себя, как последние негодяи.

Хотелось убежать из университета и не возвращаться. И не возвращаться вообще туда, где я уже была и знала каждый уголок. Отчего-то стало так плохо, будто вывернули наизнанку всем ветрам на откуп. Больно, холодно, одиноко...

Какими только усилиями воли я сдержала слезы и не выбежала сломя голову куда глаза глядят, но все же каменной статуей покинула стены университета.

Выюга сбивала с ног. Холод внутри вторил погоде и замораживал все мое существо до глубины души.

– Только бы не погибнуть от обморожения души! Только бы не было так больно! Держись, девочка! – шептала себе я, вытирая щеки колючей варежкой.

Так хотелось прийти куда-нибудь, где тепло и согреют. Но куда? К родителям – не лучший вариант: в таком состоянии портить настроение отцу и вызывать лишние вопросы матери? Тома – коллега, в декретном отпуске с больным ребенком сидит, да и ее муж дома. Лариса – единственная однокурсница из моего города, с которой сложились хоть ка-

кие-то приятельские отношения, последнее время стала совсем чужой. Не могу сказать, что в этом не было моей вины. В какой-то момент я просто перестала отвечать согласием на приглашения в гости и на прогулки с ее компанией. Просто моя жизнь замкнулась на работе, дороге домой и четырех стенах.

– Ник, – безжизненным голосом, почти срывающимся на рыдания, проговорила я в трубку своему брату, – приезжай за мной...

– Кира? А что там у тебя? – тоном человека, которому всегда некогда, спросил Николай.

– Мне плохо!

– Тебе скорую вызвать? Или сама справишься? – и ведь вроде беззлобно, но сейчас этот тон вызывал такое глубокое отчаяние, что стало тяжело дышать.

– У меня нет приступа, Ник. Это другое...

Молчание в трубке, как еще одна горсть на крышку гроба. Брат... не поймет... Он совсем другой. Да и свои у него интересы – я ему не нужна.

– Возьми такси, я сейчас очень занят. Давай позже заскочу?

Я остановилась посреди пешеходного перехода в бессилии и почувствовала, как очередная слеза обжигает щеку, тут же превращаясь в ледяную дорожку.

– Конечно, я справлюсь, – выдохнула в трубку и заторможенно оглянулась на сигнал машины. – Отбой.

Помедлив несколько секунд, пока раздраженный водитель не высунулся в окно и не пригрозил матом, я двинулась вперед и снова остановилась, но уже на тротуаре.

«Боже!— ужаснулась я.— А ведь мне некуда пойти... Не к кому!»

Я впервые так четко осознала, что мне не к кому идти. Меня никто не ждет. Я никому не нужна! Бесцельно бродить по улице по такой погоде совсем одной — горько. Еще одна удручающая мысль, еще одно подавляющее обстоятельство моей жизни...

«Вот истинное одиночество, а не то, что я возомнила себе!.. Хм, я люблю одиночество? Нет, я люблю быть наедине с собой, а не одиночество! Мне ни с кем не интересно, я чувствую себя чужой, ненужной и странной. Последнее, пожалуй, чаще всего звучит от людей, имеющих со мной хоть какое-то дело. И получается, что я вижу во многих лишь негативное, занудное, пустое... Хоть бы раз посмотреть на мир сквозь розовые очки!»

У меня начинали мерзнуть руки: варежки сняла, чтобы позвонить брату. Но как только я спрятала руки в спасительное тепло, как из сумки раздался звук СМС из телефона незнакомца, и руки пришлось вновь оголить.

«Кира, вы заблудились?»

И тут я вспомнила, что меня ждал странный незнакомец на каком-то крысином мероприятии. Пушистые зверьки из сна заполнили мысли, и меня неожиданно затопило теплом.

Я взглянула на часы: 17:33 и не раздумывая взяла такси к Островскому переулку.

Крысиные бега впервые проходили в нашем городе, и сегодня последний день, когда можно было увидеть это шоу. Островский переулок был заставлен автомобилями самых разных марок и, что примечательно, только класса люкс.

При входе попросили пригласительный билет, который я, разумеется, не могла предоставить. Но служба безопасности тут же предложила мне назвать имя и фамилию, чтобы найти в списке приглашенных.

– Кира Балагоева, – назвалась я, но вряд ли там была моя фамилия.

Крупный мужчина приветливо улыбнулся и открыл входную дверь.

– Прошу вас, Кира.

– Я в списке? – удивилась я. Откуда Марк знал мою фамилию? Человек очень хорошо поработал над изучением моей личности. Похоже, он знал обо мне многое. Что ж, ладно!

Как только я вошла в широкий квадратный зал, стены которого были покрыты темным полотном, а с потолка вниз били яркие прожекторы, раздался звонок из телефона Марка.

– Вы все-таки прибыли? – улыбнулся в трубку он.

– Да, задержалась, – не собираясь извиняться, ответила я. – Как мне вручить вам ваш телефон?

– Вы деловой человек,— рассмеялся Марк.— Но шоу уже идет. Посмотрите! Уверен, такого вы не видели.

Мне стало все равно, что мужчина оборвал связь. Я пришла не к нему. Я пришла туда, где никогда не была и не знала ни одного уголка. Кажется, в такое место хотела попасть.

Я огляделась. Людей было много, и все они толпились у нескольких столов, расставленных по залу. В помещении было достаточно тепло, пахло кошачьим кормом. Из динамиков с потолка звучал медленный джаз.

«Обожаю!...»

Я растегнула полушубок и прошла к первому столу, где оказалось свободное место для наблюдения. Мужчины расступились, чтобы пропустить меня ближе, и представшая перед глазами картина сразу же захватила все внимание.

На длинном и широком столе располагался плексигласовый лабиринт. В центре лабиринта находилась круглая площадка, и там сидело несколько крыс. Они почти не шевелились, возможно, потому что места для движения просто не было. Но две крыски суетливо перебирали хрупкими лапками по стенке в желании выбраться на волю. Все они были белые, я бы даже сказала – белоснежные, и удивительно больших размеров, будто морские свинки. Чистая гладкая шерстка и лысые хвосты с розовой кожей, покрытой кольцами, как если бы это был спил дерева. Ничего общего с крысками из моего сна.

Здрав мордочки, крысы выжидающе смотрели на окру-

жающих своими красными глазками-бусинками и живо шевелили усами. На спине у каждой из них был номерок. Видимо, принимались ставки.

А потом вдруг раздался сигнал, одна из стенок опустилась, и крысы резво выбрались из замкнутого пространства на первую светящуюся дорожку. Сначала они замерли, пригнувшись и прислушиваясь, круглые ушки, как детекторы, трогательно поворачивались в сторону звука, но, когда раздался низкий свист, все они на миг приподнялись на задние лапы и понеслись.

От неожиданного удовольствия у меня затрепетало в груди. Как странно они бежали: подпрыгивая вверх, как кенгуру, не оглядываясь, не теряясь, обгоняя соперников.

Народ вокруг загудел в азартном настроении. Кто-то выкрикивал номер крысы, кто-то аплодировал, а кто-то сосредоточенно следил исподлобья.

Крысы же бежали только вперед, ловко огибая углы лабиринта. Я увлеченно следила за приглянувшимся пятым номером, может, потому что она была лидером и не уступала никому на протяжении половины пути.

Это было забавно! Я забыла почти обо всем. Но потом, к моему разочарованию, пятый номер резко затормозил и замер. Остальные промчались мимо. Я внимательно смотрела на крысу, а та повернулась ко мне и встала на задние лапы, поводила носом и снова села. От ее взгляда мурашки побежали по спине.

– Эй, ну вперед!– тихо сказала я ей, но крыса будто потерялась.

Остальные крысы достигли финиша в считанные секунды. Люди шумно зааплодировали. За соседними столами тоже последовала шумная реакция.

И хотя крысы достигли финиша, они не замерли у стенки, ожидая, что их пропустят дальше, и начали тыкаться в препятствие носом, а затем каждая развернулась и отправилась в обратную сторону, просто продолжая бег. Но теперь они уже не бежали так слажено, а каждая в своем темпе, то останавливаясь, то сворачивая на другую дорожку.

Я вдруг вспомнила смысл выражения «крысиные бега». Эта идиома, как ни странно, описывала мое состояние в течение последних десяти-пятнадцати лет: бесконечное, бесцельное и, похоже, обреченное на провал движение.

«Вот это да! Какая ирония!»

Люди вокруг стола стали резко оборачиваться и останавливать на мне странно-возмущенные взгляды. Я даже несколько встревожилась и стала озираться вокруг. Но не менее растерялась, когда осознала, что они обернулись на мой отнюдь не скромный смех.

Я не просто смеялась, я хохотала! И от такого яростного смеха из глаз текли слезы.

Я стала пятиться и вскоре совсем исчезла из поля зрения толпы. Выйдя на улицу, я вдохнула морозный воздух и ощутила облегчение, будто со смехом из меня вышла какая-то

часть накопившегося напряжения. Крысиное зрелище здорово отвлекло. В голове снова стало легко.

«Ну, вот и славно!»— ободрила я себя и, запахнув ворот полушубка плотнее, шагнула в суровую зимнюю ночь. Марк так и не появился.— Но, может, сегодня мне это и не нужно? Человек намеревался со мною познакомиться, а что бы я сказала ему в таком настроении?»

А когда я пила горячий травяной чай в своем уютном кресле у широкого окна гостиной, наблюдая, как метель утихает и снег густыми хлопьями ложится на деревья, позвонил Марк.

— Добрый вечер, Кира...

— Вы меня испытываете?— сразу перебила его я.— Вы не явились на встречу!

— Так сложились обстоятельства,— сожалеющим тоном ответил Марк.— Но я очень хочу исправить оплошность и готов выполнить любое ваше желание.

— О, удачи вам в этом деле!

— Удача ко мне благосклонна.

— Как сладко поете,— усмехнулась я, а потом вдруг выда-ла:— С вас ужин в китайском ресторане.

Я чуть не выплеснула на голые колени чай, сообразив, что напрашиваюсь на свидание.

— В пятницу в семь в «Мао»,— уверенно отозвался мужчина, после чего я поняла, что идти на попятную просто смеш-

но.

– Отлично. Не опаздывайте!– пришлось ответить мне, и напоследок добавила немного дегтя:– Ваш телефон порядком мне надоел!

Единственное, что услышала, отнимая трубку от уха, это его бархатный смех одобрения.

«Посмотрим, как ты со мной справишься»,– ехидно прикусила нижнюю губу я.

Глава 6. Острый китайский ужин

Благословенная пятница!

Последняя пятница перед почти двумя неделями отдыха от людей. Проверив последние работы студентов, я отложила папки и устало потерла пальцами переносицу и уголки глаз.

На моем рабочем столе красовались пушистые снеговики, шоколадные фигурки дедов Морозов и несколько мандаринов, которые я предусмотрительно упаковала в декоративные прозрачные пакетики, чтобы не расчихаться. Но запах шоколада приятно щекотал в носу. Так хотелось набить им рот и почувствовать всю полноту вкуса.

«А вдруг повезет и не придется вызывать скорую?»– но вспомнив, чем такие пробы заканчивались в детстве, когда сила воли еще не подчинялась разуму, я передернулась и оставила эту затею.

На кафедре уже никого не было, все устремились поку-

пать новогодние подарки. А я еще даже не задумывалась о них. В этом году мой энтузиазм хранил молчание. Коллег я всегда поздравляла диетическим пирогом с фруктами к их пышному застолью. И кроме семьи, больше некому было дарить подарки. Но с этим я собиралась разобраться послезавтра, в канун новогодней ночи. Время еще есть. Сейчас меня занимала мысль: «Верно ли я выбрала наряд для ужина с практически незнакомым мужчиной?»

Я поднялась с кресла, опустила трикотажное платье, собравшееся на бедрах, и подошла к зеркалу.

– Слишком обнадеживающее! – пришла к выводу я, оглядев себя с ног до головы. – Синий – цвет надежды... Нужно было надеть черное... Ну... или джинсы.

Хотя я собиралась на ужин не в кафе, а в полноценный ресторан... Заведение диктовало дресс-код. А с другой стороны, женщина всегда должна быть сногсшибательна. Уроки матери не пропали даром.

Улыбнувшись себе и злорадно подмигнув, представляя, как в прямом смысле сшибаю незнакомца с ног, я взглянула на часы и поспешила в гардероб.

По пути в ресторан (кстати, странно, что Марк выбрал именно мой любимый ресторан!) я позволила воображению привести меня в легкий радостный трепет, потому что представила, как разнесу в пух и прах самоуверенность этого мужчины, и тот сбежит, поджав хвост. Он очень удивит меня, если сможет хотя бы вежливо попрощаться.

«И я не собираюсь чувствовать по этому поводу никакой вины!»

Мой любимый «Мао» не был украшен новогодними побрякушками, потому что до китайского нового года было еще больше месяца, но он в любое время года выглядел уютно и нарядно: с традиционными китайскими фонариками, свечами на столах, золотыми драконами на стенах и под купольным потолком, в центр которого взвивались их резные головы. В городе я знала несколько таких ресторанов, где подавали блюда, исключительно честно информируя о составе. Я не боялась оказаться в «Скорой помощи».

Я заняла свободный столик у окна: если нам с мужчиной будет не о чем говорить, хотя бы развлеку себя видом улицы, а затем кивнула официанту, чтобы принес винную карту.

Винная карта имела варианты на любой вкус. Я решила заказать текилу, чтобы скоротать ожидание. Напиток попросила налить в винный бокал. Это была маскировка. Хотелось немного расслабиться после рабочего дня и придать мыслям легкость, но текила была напитком пабов и ночных клубов и в светский ресторан не вписывалась. Это было дурным тоном. А вино смотрелось вполне прилично в качестве аперитива перед романтическим ужином. Он ведь предполагался?!

На улице шел снег, медленно кружась в воздухе крупными ажурными хлопьями, безветренный вечер, даже тепло, люди

сновали туда-сюда... Захотелось упасть в приглянувшийся пушистый сугроб и сделать звезду, раскидав руки и ноги в стороны.

«Вот сейчас появится передо мной очередной мужчина, распустит хвост веером, будет доказывать, какой он потрясающий, как многого достоин, пытаться обаять меня... А в итоге окажется очередным холостым патроном: стреляет громко, да без толку. И почему-то я уверена, что его приятный голос никак не связан с внешностью. В конце концов, если станет совсем не вмоготу, я просто встану и уйду».

Но вот чего никак не могла понять, так это то, что вообще заставило меня согласиться на эту авантюру...

– Добрый вечер, Кира!

Я вздрогнула от неожиданного приветствия. Знакомый голос мужчины бархатными мурашками прошелся вниз по позвоночнику.

«Надо же, какой завораживающий голос!»

Расправив плечи, я оглянулась и... приросла к стулу... У меня даже не хватило воздуха просто, чтобы вдохнуть, а не то чтобы уже подняться навстречу ему. Возникло ощущение, будто сквозь меня прошла электромагнитная волна.

Передо мной возвышался невероятный мужчина! Невероятный с большой буквы! Он был высок, не меньше ста девяноста сантиметров, а то и все два метра, даже через свободный пуловер с v-образным вырезом было видно, что он физически развит, и у него явные кубики на животе... у меня

даже пальцы зачесались от желания проверить это...

«Что за пошлые мысли?!»

...Но не это больше всего поразило меня. Его лицо! Вернее даже, вся голова... Он был блондином с фантастическим цветом волос. Они были белые, словно молоко, без цыплячьей желтизны и каких-либо посторонних оттенков, идеально ровные и... длинные, собранные в хвост на затылке. У него не было залысин, линия роста волос идеально обрамляла средней высоты лоб. Мужественные скулы и уверенный подбородок. Нос с узкой переносицей и губы в меру полные, чувственные... Невольно я представила, каково это – целовать его...

Губы непроизвольно дрогнули... по позвоночнику снизу вверх побежали электрические мурашки...

Брови и ресницы были светлые, но не белые, а скорее светло-русые. И глаза! Потрясающие, красивые глаза темного цвета. Но из-за приглушенного освещения в зале ресторана и потому, что он был слишком высок, я не смогла разглядеть точного их цвета.

Я уже заранее была настроена не принимать этого мужчину всерьез, но не ожидала увидеть такого эффектного представителя второй половины человечества. Однако теперь не могла принять его всерьез из-за того, что он был совершенством. Марк был неописуемо красив. И потом, я смутно ощутила, что при одном только взгляде на него что-то шевельнулось глубоко внутри, будто пробудилось. И все жела-

ние растоптать очередного поклонника растворилось в любовании им.

Все это время Марк держал любезную улыбку на лице и будто позволял разглядывать себя.

– Могу я присесть?

Наконец, я пришла в себя и опустила голову. В затылке потяжелело. Моргнув, я ощутила неприятное жжение в глазах от долгого напряженного взгляда и мысленно укорила себя за несдержанность.

Я слегка кивнула на его приветствие и поднесла бокал с текилой к губам, сделав паузу, чтобы собраться с мыслями и сообразить, как лучше вести себя с ним.

Марк прошел к стулу напротив, легко его отодвинул и мягко опустился. В его жестах сквозила природная грация и уверенность.

Я продолжала цедить текилу, прикрывая часть лица бокалом. Не хотелось быть бесцеремонной, но и любезничать тоже не собиралась. Однако я совершенно растеряла всю уверенность, ощутив себя настолько мелкой и неинтересной. Не потому, что выглядела хуже, а потому, что понимала: у меня ни с кем ничего уже не получится. И с ним уж точно! Я выдохлась.

С первого взгляда было ясно, что он вполне успешен во всех областях жизни, и от женщин нет отбоя – ждать от него приходилось только одного. И даже при всем этом я была недостойна такого мужчины. Это я понимала четко. Но тот

уже сидел передо мной, и нужно было как-то реагировать, а не прятаться в раковину. И моя реакция была крайне неадекватной, по меньшей мере леди так себя не ведут. А он и правда меня поразил.

Я оставила бокал с текилой в покое и положила ладони на край стола. Мы оба молча разглядывали друг друга: он – с легкой загадочной улыбкой, я – с неумело прикрытым интересом.

Сочетание карих глаз, светлой кожи и, похоже, натурального белого цвета волос, вызывало смешанное чувство восторга и любопытства. А цвет радужки был даже не карим, на ум приходило сравнение с цветом молочного шоколада. Таких глаз точно никогда не видела. Теперь я могла рассмотреть их ближе. Даже неловко было так разглядывать, но взгляд то и дело возвращался к необычной внешности Марка: прямой нос, высокие скулы, четкая линия подбородка и челюсти; здоровый цвет лица, гладкая кожа, необычно светлые брови и густые светлые ресницы. Все черты лица так правильно сочетались, что и раскритиковать было не за что.

– А вы интриган! – первое, что произнесла я после долгой паузы.

Подошел официант и элегантно жестом предложил меню нам обоим.

– Кира, вы уже сделали заказ?

Я отрицательно мотнула головой.

– Позвольте мне?

Теперь я согласно кивнула и просто наблюдала, старательно делая вид, что мне совершенно все равно.

– Спасибо, не нужно, – не отводя глаз, мягким жестом отказался Марк от меню. – Будьте добры, номер тридцать восемь, сорок восемь и, пожалуй, семьдесят три. Если я не ошибаюсь, дама пьет текилу?

Я чуть не подавилась воздухом, когда услышала это, но вовремя задержала дыхание и усилием воли подавила кашель.

Официант кивнул. Я мельком взглянула на официанта и снова на Марка.

– Тогда мне то же. Даме жасминовый чай, мне кофе и два фирменных пирожных на десерт.

Фирменное пирожное представляло собой ванильно-рисовый пудинг со сливовым топпингом – то небольшое, что я могла здесь съесть.

– Вам тоже подать в винном бокале? – спросил официант, стараясь скрыть нотки иронии в голосе. Но ему это не удалось.

Марк коротко кивнул и отпустил официанта.

Щеки запылали. Хорошо, что здесь было неяркое освещение. Я внимательно следила за каждым движением мужчины и мысленно пыталась угадать, на что он способен и как дальше будет себя вести, что сделает, чтобы понравиться мне, и как будет петлять, жаждающая заполучить желаемое.

– Как вы узнали, что я пью? – не скрывая подозрительности в голосе, спросила я.

Марк едва прищурил глаза и ответил так простодушно, будто все в мире знали о Кире Балагоевой и ее предпочтениях:

– Вас это смутило?

Я растерянно пожала плечами.

– Мне очень приятно видеть вас воочию,– признался он.

– Не могу сказать того же,– сухо ответила я и деланно равнодушно прошлась взглядом по сервировке стола.

– Мне показалось или вы несколько напряжены?– мягко улыбнулся он.

Я уже ненавидела эту улыбку, наверное, потому что она пробивала мою отгороженность от мира, в котором никак не могла найти себе места. Я повела плечами, только сейчас ощутив, как скованны мышцы спины.

– Ваши ожидания не оправдались или я превзошел их?– шутливым тоном спросил он, продолжая внимательно разглядывать меня.

– Скажу только то, что не планировала подобных знакомств. Но, поскольку вы внезапно возникли на моем пути, то пока не знаю, рада ли я вам или нет,– а чтобы развеять все сомнения и ожидания, которые могли у него возникнуть после моего нескромного взгляда, с уже солидной долей уверенности в голосе добавила:– И прошу прощения за то, что так нескромно вас разглядывала. У вас очень необычная внешность. Это заметит любой.

– Для начала перейдем на «ты»?– будто и не замечая того,

что хочу до него донести, ответил Марк.

Я подняла глаза и более расслабленно откинулась на спинку стула, хотя тяжесть в голове не проходила.

– Если вам будет так удобно, я не возражаю. Я пока держусь.

– Интересно.

Я долго смотрела на него и молчала. И он не уступал мне. «Что это еще за странная игра? Даже в висках пощипывает от странного напряжения между нами».

Наконец я отпустила его и безмолвно усмехнулась.

– Ты не многословна,– усмехнулся и он.

– Не имею понятия, о чем с вами говорить?

Окно было моим спасением. Удобно было спрятать глаза в кружащихся хлопьях снега.

– Это не интервью и не допрос, и не принудительная встреча для поучительной беседы, поэтому обо всем, что пожелает душа,– щедро ответил Марк.

– Судя по тому, что вы уже сделали, то знаете обо мне достаточно. Поэтому вы заняли такую выжидательную позицию?

– А ты мне нравишься,– тихо усмехнулся Марк.– Я просто люблюсь.

– Почему же вы решили познакомиться таким способом?

– Я занятой человек и в тот момент тоже очень спешил. Но в жизни так редко выпадают моменты, когда чувствуешь, что если не остановишь момент, то упustiшь что-то очень

ценное. Я не мог потерять такой шанс только потому, что не мог опоздать на деловую встречу.

Все это звучало так искренне, и, на удивление, хотелось верить ему. Я опустила голову, уставившись на смятую салфетку на коленях. Что-то мешало ослабить пружину и просто получить удовольствие от беседы с приятным и вполне воспитанным мужчиной: то ли тяжесть в висках, то ли излишняя подозрительность.

– Но оригинально ухаживать даже заочно вы умеете!– наконец ответила я.

– Это всего лишь желание завоевать понравившуюся женщину.

Я снова придвинулась к столу и подперла голову ладонью.

– Кем же вы работаете, что у вас нет возможности познакомиться нормальным образом? И кстати, сразу же выражу сомнение в том, что вокруг вас не вращаются женщины, куда более достойные и с кем не надо долго знакомиться, тем более так изощряться в ухаживаниях. Они и так все вами увлечены, верно?

– Я, конечно, еще по телефонному разговору заметил, что ты прямолинейна, но что настолько откровенна и агрессивна – не представлял,– поразился он.– И позволь уточнить: что значит «нормальным образом»?

Я опустила глаза.

«Да, в некотором роде он прав. Но кто ему об этом скажет? Кто же ты такой?! Надо немного надавить, и ты сам убе-

жишь от меня! Кажется, это неплохой способ избежать бесперспективного общения».

Не покидало ощущение, что по позвоночнику проложили проводок, а затем включили в розетку. Но почему-то я не могла просто вежливо откланяться и убраться восвояси.

– Я... работаю...– он вдруг запнулся на секунду, но потом, подставив скрещенные ладони под подбородок, проговорил:– менеджером в страховой фирме.

– Страховой агент?

– Да, в некотором роде,– улыбнулся он и, опутив глаза, продолжил:– Я выезжаю на страховые случаи, работаю с очень крупными заказами, заключаю договоры на местах.

– И ваш заработок позволяет так ухаживать за женщинами?– в моем голосе звучало сомнение.

– В последнее время мои наблюдения позволяют судить о том, что внешние признаки состоятельности не делают человека истинно состоятельным.

– О, безусловно, вы правы. Кредиты, ипотеки...

Я хитро прищурилась, будто пронзила его взглядом.

– Нынешнее время позволяет быть человеку очень гибким, я бы даже выразилась – скользким. Столько можно сделать блефуя!

– Ты очень тонко подметила. Но я всего лишь ловко разбираюсь в финансах.

– Очевидно,– не сбавляя язвительности, заметила я.– А вы здесь частый гость, знаете меню наизусть?

– Люблю китайскую кухню,– игриво повел бровью Марк, чем вновь смутил меня.– Она похожа на ту, откуда я родом.

Я почти убедила себя в том, что он скоро попросит счет и не станет дожидаться заказа. Но того словно ничего не произошло, даже моя скверная доброжелательность.

– И откуда же вы?

– Издалека,– коротко ответил он.

Как назло, официант удивительно быстро подал все заказанные блюда. От запаха гребешков в кисло-сладком соусе и запеченных кальмаров с луковыми кольцами рот мгновенно наполнился слюной. В желудке жалобно заурчало, отчего я смущенно нахмурилась и тут же решила: не пропадать же добру.

С аппетитом вдохнув запах блюд, я развернула палочки и стала умело управляться ими, обмакивая сочные кусочки морепродуктов в соус. Марк последовал моему примеру.

Набив рот, я дала себе возможность поразмыслить над тем, что сейчас происходило со мной и с моим собеседником. Я понимала, почему так агрессивно настроена, и не собиралась менять тактику. Но помимо воли этот мужчина оказывал неизгладимое впечатление. Я с одинаковой силой сопротивлялась его обаянию и наслаждалась его обществом. И меня раздражала собственная неопределенность. Сама не знала, хочу ли продолжать это знакомство – ведь результат отношений был заведомо ясен – или хочу, чтобы все скорее закончилось.

«Но, черт возьми, он так обаятелен! И еще столько вкусного салата с зеленой спаржей... Ну да, это весомый довод, чтобы остаться... Кира, ты смешна!»

Марк молчал и выглядел задумчивым, при этом не сводил с меня глаз. Мы оба медленно жевали и смотрели друг на друга, будто сканируя, оба не спешили нарушать молчание.

Казалось, что я готова молчать до самого конца вечера, несмотря на нелепость такого поведения. Меня не волновало его мнение об этом. Но что-то не давало покоя, сверлило где-то в затылке. Однако слов не находилось, чтобы описать, на что все это было похоже.

Официант принес еще текилы и салат из морепродуктов в подарок от шеф-повара. Марк поблагодарил того и сам долил текилы в наши бокалы.

– Ты так подозрительно молчишь? Меня это начинает смущать.

– А вы предпочли бы, чтобы смущалась я?– последовал мгновенный ответ.

– Я предпочел бы, если бы ты перешла на «ты».

– Это не обсуждается,– слишком резко бросила я.

Он сложил палочки и наклонился вперед, прищурился и улыбнулся тому, что я не шелохнулась.

– Отчего ты так нервничаешь?

Я нахмурилась и вытянула шею: «Все-то он видит!»

– Действительно, я слегка раздражена,– согласилась я.

– Есть причина?

– Вы!

– Я?! Вот так неожиданность! Я пока еще ничего не сделал.

– Намереваетесь?

– Хм,– усмехнулся он, покачал головой и отклонился на спинку стула.– Теперь понятно, почему ты пожелала мне удачи при последнем разговоре.

Я впервые расслабленно улыбнулась. И он тут же подхватил шанс меня разговорить.

– Кирочка, я готов сделать все, чтобы загладить вину, если таковая имеется.

Улыбка тут же слетела с губ: «Что за фамильярность?!»

– Для начала, не называйте меня Кирочкой! Во-вторых, когда я не понимаю, зачем понадобилась мужчине, я слегка раздражаюсь.

– Разве не понятно?– усмехнулся он, слегка кивнув, принимая мое пожелание насчет имени.

– Нет, конечно, все банальные версии я уже рассмотрела. Но по вам не скажешь, что вы глупый испорченный бездельник, чтобы так изощренно тратить время на очередную женщину. И себе цену я тоже знаю. Поэтому пока не очень представляю цели вашего поведения.

– Ты тоже большая оригиналка,– улыбнулся он.– Со всем уважением к твоим рассуждениям, но, по-моему, ты все усложняешь.

– Ага, то есть вы хотите подтвердить одну из застарелых

причин нашей с вами встречи?

– Да-а-а, с тобой непросто!– выдохнул он, показалось утомленно.

– Что, намерены продолжить знакомство?– поддела я и как-то оживилась.

– Я не сдаюсь так легко. К тому же уверен, что ты ошибаешься на мой счет.

Его светлая открытая улыбка смела уверенность: «Н-да, показалось!»

– Никогда не говорите женщине, что она ошибается!– серьезно заметила я.

– Кира, с каждой минутой я утопаю в загадочности твоей натуры.

Я покачала головой и, раздраженно скрестив руки на груди, выдохнула:

– Ну, что? Рассказывайте, кто вы, что вы, зачем вы и прочее? Вы ведь не отстанете?

– Последнее предложение намекает на то, что есть желание узнать меня ближе?– поддел он.

– Железная мужская логика! Желание появляется тогда, когда есть перспектива. А в нашем с вами случае, о каких перспективах может идти речь – не понимаю; кто вы и на что способны – не знаю; можете ли вы предложить что-то полезное – сомневаюсь. А провести ночь у меня всегда есть с кем!

«Звучит ужасно мерзко, да и полное вранье! Ну и тактику

я выбрала! Не могу остановиться язвить».

Марк так улыбнулся и сверкнул глазами, что у меня возникло полное убеждение в том, что он практически прочитал мои мысли.

– Уж очень прагматично звучит!

– Я привыкла рассчитывать только на себя, поэтому, если и связываюсь с незнакомыми людьми, то только за тем, что они могут быть полезными мне,— продолжила я, понимая, что это всего лишь бравада.

– А вариант ухаживания ты не рассматриваешь принципиально?

– С какой целью? Видите ли, Марк, у меня есть все, что нужно для спокойной, размеренной, не отягощенной различными обстоятельствами жизни. Поэтому в авантюры я не ввязываюсь. А вы, и моя интуиция вряд ли солжет, и есть большая авантюра.

– Ты прямо завела меня в тупик!— развел руками Марк и размял плечи.— А нельзя ли как-то проще, что ли?

– Проще?!— задумалась я.— Это как? Осыпать друг друга комплиментами, говорить о природе и погоде, о музыкальных предпочтениях и местном интерьере?

– Фу, какая скукота.

– Вот именно!

– Но знакомятся же люди, говорят о чем-то...

– Притягивают за уши темы, чтобы хоть немного замаскировать животную натуру,— с иронией вставила я.

– Чему ты сопротивляешься?– в лоб спросил Марк.

Я криво усмехнулась и разочарованно произнесла:

– Скажите, а почему мужчина делает все только для того, чтобы завоевать, но не для того, чтобы сохранить отношения?

– Ты, наверное, имеешь в виду конкретного мужчину?– поочередно подтягивая рукава пуловера от запястий к локтям и слегка разминая спину, спросил Марк.

– А вы будете оправдываться, искать аргументы, что это не так?

Мужчина слегка повел бровями, не скрывая, что такое начало знакомства его изумляет, но не пугает, и серьезным тоном проговорил:

– Прежде всего, надо сказать, что я никогда не смотрю на ситуацию через призму общепринятого мнения. Если тебя интересует мое мнение, то каждый поступает так, как ему удобно. Если обстоятельства настолько сильны и вызывают желание следовать традициям романтизма, то нетрудно следовать им постоянно. А если поведение вызывает ожидаемую реакцию и отдачу, то это – теория Павлова в действии.

– Это вы так изощренно называете женщину обстоятельством, а ухаживание за ней – рефлексом?– усмехнулась я.

– Ну-у-у,– журиющим тоном протянул он,– ты совершенно не воспринимаешь метафору.

– Цинично! Но из всего сказанного я услышала, что вы считаете себя подарком для женщины?

– Вот уж не ожидал, что мне придется осаждать колючую проволоку. Прошу заметить: ключевое слово – колючую.

– А мне понравилось – осаждать, – усмехнулась я его примечанию.

Марк поморщился, а потом негромко засмеялся.

– М-м... а почему бы и не так?

– Что? – недоуменно поинтересовалась я.

– Теперь ты меня по-настоящему заинтересовала.

– А до этого был легкомысленный флирт? Как мало вам надо, – фыркнула я.

– Поверь: это не мало. Я знакомился со многими женщинами при самых простых обстоятельствах, и многие пытались вымучить из себя что-то неординарное. Ты же самородок.

– Ой, – нахмурилась я от сомнения в его искренности, – как это там в мультике: вы меня посчитали? Самородок – это, по вашей шкале, какой уровень?

– Ну, хватит, – умоляюще засмеялся Марк и поднял ладони вверх. – Все, сдаюсь на твою милость. Я не решаюсь что-либо дальше говорить.

– А мне показалось вы о-о-очень уверенный в себе мужчина?

Марк опустил руки и загадочно прищурился.

– Я не хочу, чтобы ты думала, что я самоуверен, но я уверен, что это не последняя наша встреча.

Я слегка нахмурилась и непроизвольно проговорила:

– Почему-то мне тоже так кажется...

– Что, прости?

Я опомнилась и широко улыбнулась.

– Нет, нет. Это я сама с собой.

Его взгляд был более чем проницателен.

– Давайте так, вы искренне рассказываете мне о себе, а я постараюсь не быть такой категоричной занудой?– неожиданно предложила я.

Он выпрямился и заметно обрадовался такому повороту в разговоре.

– Что ты хочешь обо мне знать, кроме того, что я безумно желал с тобой познакомиться, всю прошлую неделю мечтал увидеть тебя не только сквозь окно автобуса и на остановках, а весь сегодняшний день находился в жутком нетерпении увидеть тебя за ужином?

Лицо снова запылало, наверное, предательский румянец разлился по щекам. Я все еще пропускала через себя электрический ток. Я улыбнулась уже более искренне и тепло. Затем помассировала ноющие виски указательными пальцами и взяла бокал с текилой. Несмотря ни на что, настроение, в котором пребывала сейчас, было приятным развлечением.

– Хорошо, давайте выпьем за состоявшееся, наконец, знакомство?

Марк широко улыбнулся и поднес свой бокал для закрепления тоста.

– Вот ты и улыбнулась мне так, что у меня мурашки по

коже побежали. Чертовски приятное ощущение!

«Я что, так улыбнулась?!»

Он проговорил это так искренне и с чувством, что я опустила голову и виновато зажмурилась. От звона соприкоснувшихся бокалов, я вернулась взглядом к его лицу и погрузилась.

– Вы простите, что так неприятно все получилось?– неожиданно искренне повинулась я.– Я не планировала заранее так поступать с вами.

«Хотя... планировала! И, по-моему, он уже догадался».

– Не бери в голову,– просто ответил он, но обрадовался моей благосклонности.

– Вам, наверное, не приходилось общаться с такими женщинами?

– Какими?

– Которые мечут в вас копья, а вы только и отбиваетесь. Признаться честно, я была уверена, что после нескольких моих выбросов, вы просто скажете себе: нет, мне это не нужно, вежливо попрощаетесь и отчалите в более комфортное плавание.

– Во-первых, я так просто не сдаюсь, во-вторых, это было даже забавно, такой оригинальный пинг-понг. К тому же в этом есть свои плюсы.

– Я тоже во всем ищу плюсы,– усмехнулась я.– Интересно, а что увидели вы?

– Я провожу время с интересной мне женщиной.

– А-а, да... банально.

– Не спорю, что мне было бы намного приятнее, если бы ты приняла меня более радушно...

– Кокетничала и играла бы по полной программе,– кивнула я.

– Мне было бы интересно и в том случае, если бы ты кокетничала и играла, была податлива и откровенна, а после ужина мы бы поехали ко мне, и ты согрела бы мою постель,– лукаво улыбнулся он.

Я сурово сдвинула брови, но тут же остановила себя от поспешных упреков в хамстве и пошлости. Однако строго проговорила:

– Что и требовалось доказать!

– Но я ведь признал это?– спокойно допивая текилу, произнес он, а потом серьезно продолжил:– Но в этом случае наши отношения не продлились бы дольше месяца, может быть, двух.

– Легкая добыча не вызывает интереса?

– Глупо было бы не признаться в том, что с природой не поспоришь. Верно?

– Значит, все последующие ухаживания за мной будут лишь шагом к удовлетворению плотских потребностей?

– Ты до безумия прямолинейна и хочешь знать ответы на все вопросы!– игриво вздернул бровью он.– Но даже я не знаю, куда могут завести наши отношения.

– Да, мое безумие может и волной накрыть,– с гордостью

призналась я.— А что?

— Я не склонен скрывать свою мужскую сущность, прикрываться благородными мотивами и прочим лицемерием. Да, ты сексуально привлекательна для меня. Да, я хотел бы пригласить тебя к себе прямо сейчас. Но только потому, что я знаю, что ты откажешь, не предпринимаю усилий в этом направлении.

— Да что вы говорите?!— притворно удивленно усмехнулась я.— А вдруг я согласилась бы?

«Боже, я откровенно флиртую с ним! Неужели я хочу, чтобы он меня соблазнил?!»

— Сомневаюсь. И даже если ты согласишься сейчас, то это будет уже из принципа. А все, что построено на логике и упрямстве, не приносит желаемого удовольствия.

— Вы просто философ!

— Постель постелью, но есть что-то, что держит людей друг с другом многие годы. Согласна?

— Согласна,— охотно кивнула я.

Хотя откуда мне было это знать, это была лишь извечная женская мечта, я стала загибать пальцы:

— Страх одиночества, комплекс неудачника, привычка, дети и просто потому, что удобно существовать с человеком, которого хорошо знаешь.

Он сочувственно покачал головой.

— У-у-у, как все запущено. Ты такая обаятельная, такая милая, но сколько в тебе разочарования и враждебности!

– Привыкла за себя стоять.

Внутри похолодело от нахлынувших воспоминаний.

– Это ценное качество, но не обязательно стоять горой и насмерть, когда нет прямой угрозы.

– Нет прямой, значит, есть скрытая!

– А с тобой надо еще и слова выбирать: цепляешься к каждому слову, – усмехнулся он.

Я недовольно сжала губы, но не успела ничего сказать, как он добавил:

– Но мне определенно нравится твоя откровенность.

– Так что же есть такого между людьми, по-вашему?

– Игра на одном поле, общая волна, единый дух, искры, наконец. Есть что-то, что буквально, как магнит, притягивает друг к другу, и с первых же минут общения понимаешь, что этот человек должен присутствовать в твоей жизни обязательно, иначе она будет неполной. И неважно, если рядом другие люди, которые будут тебе интересны, именно этого человека будет всегда не хватать... Потому что он – твоя половинка...

На секунду мне показалось, что последние слова были сказаны с какой-то тоской, однако, когда Марк вновь взглянул на меня, это впечатление рассеялось.

– Это всего лишь химические процессы, подогреваемые либидо, – сумничала я.

– Списывать все на дедушку Фрейда – это как-то банально! Вот тут, мне кажется, ты прачешь собаку?

Я опустила глаза и медленно поводила пальцем по скатерти. Когда-то я действительно верила, что между мужчиной и женщиной может быть что-то большее, чем секс. Но весь опыт моей прошлой жалкой жизни дико кричал, что все это романтический бред.

«Как такой взрослый, опытный, отнюдь не глупый мужчина может так заблуждаться? Ему ли не знать, ради чего все старания?»

– Вы уникам, если не лжете,— наконец высказалась я и тяжело вздохнула.

– Вряд ли я ошибусь, если скажу, что тебя кто-то обидел,— понимающим тоном проговорил Марк.— Поверь мне, я не намерен причинять тебе неудобств.

Будто защищаясь, я скрестила руки на груди и равнодушно пожала плечами.

– В этом вы ошибаетесь. Обидчиком всегда выступаю я.

– Люди не причиняют обид другим, не будучи сами обижены кем-то.

– Не всегда в жизни действует прямой порядок вещей: обида – месть.

– Хочешь сказать, у тебя плохое воспитание?— усмехнулся он.

– Трудный характер,— поправила я.— И я слегка удивлена: меня еще ни один мужчина не выдерживал так долго, как вы.

– Скажешь, что все твои знакомства с мужчинами не длились и часа?— пошутил он.

– Нет,— я засмеялась, и Марк поддержал улыбкой.— Многие мне были не интересны. Но мое обычное поведение многим было не по зубам.

– Из этого следует, что я тебе интересен?

– Вы, безусловно, привлекательный мужчина. Я была удивлена, когда вас увидела. Вы очень красивый, видный мужчина. Что-то вы не договорили о своей профессии, и есть в вас что-то таинственное, не от мира сего, но меня это мало волнует, главное, что я вижу перед собой приятного во всех отношениях мужчину. Несмотря на то, что я была с вами, мягко говоря, невежлива, чувствую, что вы достойно выйдете из любой ситуации.

– Столько комплиментов!

– Отдаю должное вашему терпению. Но это были не комплименты. Комплимент – удел лицемеров.

– В таком случае, ты меня смутила,— улыбнулся он.

– О, да, мне бы хотелось смутить вас,— улыбнулась я.— Но это не про вас. Верно?

– Откуда ты знаешь?— подозрительно щурясь, поинтересовался Марк.

– Чувствую.

– А-а, знаменитая женская интуиция?

– Не ерничайте,— сморщила нос я.

Гребешки, кальмары и салат были с аппетитом уничтожены. Оставалась текила. Официант, как всегда, вовремя подоспел с горячими напитками и десертом. Пока он собирал

лишние приборы и пустые блюда, расставлял чашки и блюда с пирожными, Марк вновь внимательно разглядывал меня. А я мечтала о том, как вернусь домой и выпью таблетку спазмалгона: голова разболелась не на шутку, даже текила не помогала.

«Все сказанное кажется такой глупостью. Я позволила себе расслабиться, впустить его обаяние внутрь, флиртвала – бесстыдница. Что я пытаюсь разжечь в себе? Давно потухший костер? А зачем? Чтобы вновь разочароваться и вновь ощутить себя за бортом?»

– Что-то не так?– вырвал из размышлений тихий голос Марка.

– У меня такое чувство, что здесь что-то происходит без моего ведома,– задумчиво отозвалась я, обводя подушечкой указательного пальца край чашки с чаем.

Да, что-то было не так с самого начала. Не могла выразить это словами. Как в замедленной съемке, я оглянулась на зал ресторана. Тихая музыка, запахи разных блюд, немного сигаретного дыма – сквозняком несло от входа, негромкие голоса посетителей... острый соус все еще пек небо... Все было, как и должно было быть, ничего особенного. Но когда я перевела глаза на Марка, в меня будто врезался его пронзительный взгляд. Я даже покачнулась на стуле, отпрянув к его спинке. Если бы взгляд был материальным, то меня бы сшибло со стула, а так было впечатление, что будто ударили по лбу.

Я взяла чашку с остывшим чаем и выпила его залпом.

«Что у меня с головой? Я что, много выпила? С каким бы удовольствием я бы отпила кофе из его чашки! Такой аромат!»

Я взглянула на почти пустой бокал с текилой и снова на Марка. Губы Марка дрогнули в улыбке, и он произнес вкрадчивым тоном:

– Тебе не стоит пить кофе. Может, еще текилы?

– Нет,— спустя некоторое время отказалась я и, с чувством подозрительности изучая выражение лица мужчины, склонила голову набок.

«Брысь из моей головы!»— зачем-то мысленно бросила я Марку.

По лицу мужчины пробежала тень изумления или это было разочарование. Я так и не поняла.

«Не хочу думать о тебе!»— подумала я и с какой-то стати стала мысленно выстраивать вокруг себя кирпичную стену.— Красные кирпичики, облицовочные, идеально ровные! Слой за слоем, все выше и выше! Н-да! Напилась!»

Мужчина склонился над своим десертом и, медленно проворачивая вилку в мягком пирожном, что-то усердно вычислял в уме. Об этом свидетельствовали его задумчиво скользящий по столу взгляд и едва заметная складка между бровями.

Моя голова перестала гудеть. И я с каким-то сожалением подумала: «А что я здесь делаю? Зачем я вообще явилась

сюда?!»

– Мне уже пора,– неуверенно проговорила я.

– Думаю, да,– неожиданно согласился он, что я даже удивленно округлила глаза, но быстро справилась с расшалившимися эмоциями.

Марк махнул официанту рукой, и тот не спеша направился к нашему столу.

– Счет, будьте добры.

Счет нам принесли через несколько минут. Как все сегодня было оперативно и вовремя. Удивительно! Когда я одна приходила сюда, все было гораздо медленнее и с замечаниями.

Марк достал бумажник из кармана брюк, и я тоже стала доставать свой из сумочки.

«Вот еще, рассчитывать на его угощение! Ничего не хочу от него!»

– Даже не думай,– проницательно сказал он.

– Я привыкла рассчитывать только на себя,– спокойно ответила я.

Он неожиданно накрыл мои пальцы ладонью, она показала мне нестерпимо горячей, и, глядя прямо в глаза, твердо проговорил:

– Ты позволишь до конца остаться джентльменом и угостить тебя ужином?

Я смешалась на несколько секунд, но не отвела глаза.

– Валяйте,– и отняла руку от папки со счетом.

Он улыбнулся моему высказыванию и положил несколько голубых купюр в папку.

– Как насчет услуги – доставка на дом?– предложил Марк.

– О-о, это будет кстати. На улице холодно, и после прекрасного ужина я непозволительно расслабилась.

Раскаянье пришло поздно: «Зачем я согласилась?!»

– Здорово,– громко ответил он и, встав из-за стола, жестом пригласил за собой.

– Только никаких иллюзий,– тут же добавила я.– Доставка только к подъезду.

– Спасибо за предупреждение,– засмеялся он, чем вызвал неуместное смущение.– А то я было понадеялся на вечерний кофе и завтрак в постель.

– А вы наглец!

– Нет, я нормальный мужчина со здоровыми потребностями.

– Ой,– как могла брезгливо отмахнулась рукой,– давайте без примитивизма.

На это Марк только рассмеялся еще громче и помог мне выйти из-за стола.

Мы спустились к гардеробу. Он галантно подал мне полубок и весело заметил:

– Очень содержательное у нас вышло знакомство. Мне чрезвычайно было приятно с тобой отужинать.

– Какой набор эпитетов!– беззлобно усмехнулась я.

Он отреагировал широкой улыбкой.

– Буду до конца счастлив, если ты согласишься поужинать со мной послезавтра?

– Но послезавтра тридцать первое декабря?!

– И?

– Вы хотите отметить Новый год в моей компании?– недоуменно оглянулась я.

Марк задумчиво свел брови, будто пытался вспомнить что-то важное, а потом, словно сделав открытие, мягко улыбнулся.

– А почему бы и нет? Это будет необычная новогодняя ночь.

Я даже не хотела представлять, как мама отнесется к моему отсутствию на семейном ужине. Но отказать Марку сразу не смогла.

– Я подумаю об этом,– скептически ответила я.

– Хорошо, я заеду за тобой в шесть.

– Но я еще не согласилась!– возмутилась я, хотя и не так решительно, как хотела показать. Совсем размякла!

– Уверен, это формальности,– вопросительно изогнул бровь он.

– Неужели вы уверены, что я соглашусь?

– Абсолютно!

Я опустила голову и поправила капюшон, дав себе время придумать достойный ответ и не выдать интерес к его предложению.

«Почему бы не нарушить семейные традиции? Ведь я дей-

ствительно хотела бы поужинать с ним в новогоднюю ночь. А почему бы и нет? Или почему – да? Как сложно это сейчас решить! Все-таки пословица «утро вечера мудренее» как нельзя кстати».

– Вероятно, вы знаете мой номер телефона?

Он просто кивнул, улыбаясь все той же обворожительной улыбкой.

– Позвоните мне завтра в двенадцать, я дам вам ответ.

– Ты ведь уже предположила, что весь сегодняшний вечер и завтрашнее утро я буду находиться в состоянии мучительного ожидания твоего ответа?

Лукаво улыбаясь, я поводила глазами по сторонам и пожала плечами.

– Вообще-то, я и не думала об этом, но теперь буду знать, что так оно и будет.

– Палец в рот тебе не клади, – по-доброму усмехнулся Марк.

– Есть такое.

– Что ж, очень рад, что мы сошлись на чем-то. Очень рад!

– Да-а-а, – протянула я и повернулась к зеркалу. – Вы дадите мне одну минутку привести себя в порядок?

– Конечно, оставляю тебя, – согласился Марк и вышел на крыльцо ресторана.

Я облегченно выдохнула, будто груз с плеч упал. Я так устала за этот вечер: то ли из-за того, что выпила лишнего, то ли от постоянного сопротивления. К тому же голова снова

разболелась. Хотелось поскорее лечь спать.

В вiр-такси было очень тепло и комфортно, я чуть не расплылась в кресле с подогревом и мысленно бодрила себя, чтобы не уснуть, размышляя о том, почему у Марка нет своей машины. Но потом смекнула: он тоже употреблял алкоголь и, возможно, поэтому оставил свою машину где-то на стоянке рядом с рестораном.

Мы попрощались у моего подъезда: легко, без лишнего напряжения. Марк еще раз выразил надежду на согласие провести новогодний ужин с ним. Разомлев от тепла и текилы, а может быть, и от присутствия такого мужчины, я чуть не забыла отдать его телефон. Марк поблагодарил за сохранность и, наконец, отпустил меня.

Я еще немного постояла у подъезда, провожая его такси взглядом, и уже собиралась войти, но вдруг почувствовала, как накрывает тоска, о которой странным образом не вспоминала весь вечер. Оглянувшись на улицу, на ночное небо и оценив температуру, я решила немного прогуляться. Совсем не хотелось возвращаться в четыре стены и заболеть отчаянием.

Выйдя из двора, я побрела по Цветочному бульвару к торговому центру недалеко от дома. На столбах и деревьях мигали гирлянды, люди возвращались домой в такое позднее время, неся пакеты, плотно набитые подарками и продуктами.

Торговый центр работал до двенадцати в последние дни

старого года, давая возможность таким несознательным гражданам, как я, успеть купить все необходимое к новому году. И у меня возникло непреодолимое желание пройтись по бутикам и купить подарки родным. Еще немного побыть среди людей. Но только не одной.

Разнообразие витрин сбивало с толку: «Что я еще могу подарить родителям и брату, чем бы ни порадовала в предыдущие годы?»

Но все это были пустяки. Настроение стремительно падало к нулю. Несмотря на любимую мной атмосферу новогоднего праздника, сегодня я чувствовала себя особенно опустошенной. Столько приятной суеты вокруг: улыбающиеся люди, резвящиеся дети, забавные механические Деда Морозы и Санта Клаусы в человеческий рост, предлагающие посетить волшебную лавку, западная рождественская музыка, звон колокольчиков, блеск елочных игрушек и переливы гирлянд, совершенно сказочные ели и огромное пространство, наполненное духом Нового года и Рождества. Сердце защемило от тоски. Я просто стояла в центре холла возле высокой ели и заворуженно смотрела в прозрачный потолок: перекрытия были белыми, а сквозь стекла смотрела ночь, и свисающие с потолка на тонких нитях снежные шары, казалось, падали на меня в замедленном движении. Я подавила безрассудное желание распластаться на полу и смотреть в бесконечное пространство под потолком и, в конце концов, пришла в себя, а затем зашла в первый попавшийся бутик

готовых подарков.

Эта ночь была безумнее, чем все предыдущие.

Я испытывала странное чувство. Оно тревожило меня. Через ежедневную суету – работа, быт, мысли – это безмолвие, тишина... Будто туман над озером: неподвижный, не имеющий температуры, цвета и запаха. Словно вата на вкус... Тишина, граничащая с пустотой... Пустота во всем. Поглощающая время, пространство, фантазию и желания – пустота! Это и пугало, и в тоже время словно отгораживало от всего происходящего и замораживало психику от распада.

Задумалась я вдруг о том, чтобы, в конце концов, свести счеты с жизнью. Жизнь пошла совсем не по тому руслу, хотя лодкой управляла я. Но силы были на исходе, терпение заканчивалось...

«Я прожила довольно-таки спокойные три года, много что было приятного, яркого... это осознано и принято в полной мере... но эта пустота, бесперспективность и полный набор конструктора «Собери себя сам»... Но, боже, годы еще есть, их немного, но они могли бы быть такими сладкими... а у меня руки опустились... Не верю в себя, не знаю, кто я здесь, и до ужаса боюсь измениться в еще худшую сторону: стать злой и ворчливой, обидчивой и депрессивной... И надо же такое! Отказалась от всего, что доставляет боль и разочарование, и все же превращаюсь в растение!

А если представить себе, что я смертельно больна, и оста-

лось жить один год? Что же я так боюсь использовать свои возможности на полную катушку? Только сейчас не знаю, что меня может порадовать? Не знаю, появится ли дорога, которая приведет к удовлетворению потребностей ненасытной души?..

Я больна... И это очевидно! А самое страшное, что не знаю, как побороть тот вирус под названием «Бессмысленность существования Киры Балагоевой», что проник в меня с детства и высасывает жизнь!»

Глава 7. Гость

Сегодня новогодняя ночь! Нужно собираться на праздничный семейный ужин. Об этом помнил утомленный мозг. Подарки лежали в пакете у двери там же, где я бросила их позавчера. Но после двух бессонных ночей, отвратительных дней я так и не смогла прийти в себя.

Укутанная в спальное одеяло, я сидела за своим рабочим столиком и бесцельно перебирала пальцами по клавишам ноутбука. Надо было закончить статью. Только кому все это нужно?

В голове было пусто, мысли не текли, а застревали в какой-то вязкой субстанции, будто стоишь в холодном болоте, и тебя постепенно всасывает в небытие. Взгляд был таким же бесцельным, как и движения рук. Ничего не хотелось. Со всем ничего. Обычно даже в депрессии нормальному чело-

веку чего-то хочется: солнца в такую ненастную погоду, не быть одной в четырех стенах, что-нибудь съесть или сделать что-то невероятное, или хотя бы даже просто избавиться от депрессии...

Но сейчас было полное безмолвие воли, мысли, желаний... Хотя лукавила... Хотелось «не быть»! Просто исчезнуть, просто не чувствовать, просто не дышать и никогда не знать, что такое жизнь...

Что же такое творилось вокруг меня? Словно попала в заколдованный круг. Не хотелось следить за собой, не хотелось одеваться, не хотелось даже представлять, как проведу новогодние каникулы, а потом снова на работу и снова дежурные улыбки и деликатности. Снова маски, вынужденная трудоспособность, насильственное придание смысла работе в якобы любимом университете, который, по сути, никогда мне не нравился. Противно даже!

В квартире царил беспорядок. Я месяц не мыла пол. Пыль буквально клубилась под ногами, а слизистая носа уже была сожжена антиаллергенным спреем. Я любила чистоту, но мне было все равно. Вот скоро заведутся клещи и тараканы, может, они меня съедят на завтрак, догрызут на обед... У них будет превосходный новогодний стол...

Слезы бесконтрольно текли по щекам, веки опускались и поднимались, слух улавливал какие-то звуки, и все вокруг было одноцветным, неинтересным, сухим, лишенным всякого смысла.

Но мысль иногда обретала четкость, и периодически всплывала перспектива: «После такого состояния, после осознания бессмысленности своего бытия надо ли думать, что что-то когда-нибудь поменяется или хотя бы станет как-то иначе? Изменятся чувства или ощущения? Смогу ли я даже при невероятном стечении обстоятельств вдруг чувствовать, что вся моя хандра просто от безделья, от одиночества и прочих причин? Или забудусь на мгновение и снова почувствую невыразимую, а иногда и нестерпимую до боли в груди тоску?..

Хм, до боли в груди... боль гораздо глубже... где-то за грудью, за сердцем, внутри маленького комочка, местоположение которого еще никем не найдено, не доказано – в душе. Она гораздо острее, чем тело, чувствует все, и слезами душит она же, и руководит всем она...»

Много раз думала о том, чтобы продать душу дьяволу, только бы хоть немного пожить в другом состоянии, в других обстоятельствах... А сейчас на ум приходило только одно: «Все это ерунда и не будет легче. Потому что где-то глубоко внутри ты всегда будешь знать, что все напрасно! Все напрасно!.. Боже, откуда это унылое, нескончаемое и неизлечимое безволие души? Что же тебе надо от меня? Каким винтиком я здесь служу? Кто поселил меня здесь в это тело, на эту землю, к этим чудовищам, называющимися людьми? Кто меня спросил, а хочу ли я быть человеком? Может быть, я жила бы черной кошкой, но с большим удовольствием?..

О-о-о! Только вспоминаю об этом, как злость начинает вспарывать вены! Почему я? Почему так? Зачем? И ведь знаю же, что ответов не получу, но всякий раз при таком остром состоянии тоски снова и снова задаю эти вопросы. Хоть бы раз ответили мне!»

Но сейчас даже злости было мало, не хотелось реветь, истерить, напиться до звездочек в глазах, просто бежали слезы, а эмоций – ноль. Только вздыхала, набирала воздуха в грудь, чтобы хоть как-то выплеснуть наболевшее, но глохла, как авто без топлива.

«Что ж, ладно, нечем себя убить, а известные способы болезненны, отсюда ненадежны: ведь инстинкт самосохранения нельзя контролировать, вдруг у меня не хватит сил завершить начатое, а тело будет подпорчено... Пф-ф, горькая ирония... Я, конечно, еще не пробовала, чтобы понять, можно ли перебороть инстинкт, но зачем рисковать? Мой максимализм заявляет: один раз и навсегда! И потом я жуткая трусиха: боюсь неудачи. Да и что меня ждет там? А вдруг все еще страшнее? Но когда-нибудь у меня закончится терпение, когда-нибудь я переборю страх и отправлюсь в никому неизвестное путешествие по реке Стикс... Так когда-нибудь и случится... Только когда?»

Сквозь густой туман мыслей пробился звук моего дверного звонка. Я очнулась, встряхнула головой и выпрямилась.

«Надо же, как затекло тело в одной позе. Кого там принесло в такой час?»

Сбросив одеяло прямо на пол, я поднялась и одернула на себе короткую футболку. Не мешало бы одеться! Заглянув в ванную комнату, я мельком окинула себя в зеркале, растерла сырые от слез щеки и накинула махровый банный халат. По дороге к двери я туго затянула пояс и, даже не взглянув в глазок, распахнула ее.

Глаза округлились от удивления: на пороге стоял Марк. Я отпрянула назад и скрестила руки на груди.

– Мы с вами не договаривались о встрече!

– Верно, но ведь ты выключила телефон,– вкрадчиво произнес мужчина.

– Откуда вы знаете номер моей квартиры? Вы следили за мной?– скорее из любопытства, чем из страха, спросила я.

– Это уже не так важно, Кира,– загадочно проговорил Марк.

– Все равно у вас со мной ничего не получится,– зачем-то призналась я.

– Верно. Не получится,– невозмутимым тоном подтвердил он.

Было что-то пугающее в его согласии и во взгляде. Но после бессонной ночи все мои реакции были заторможены, инстинкт самосохранения не шевельнулся и, честно сказать, сейчас было все равно, что со мной произойдет, окажись Марк очередным Чикатило. Просто разум подкидывал логичные выводы в такой ситуации, и я смиренно их принимала.

– Впустишь меня?

Только мои брови выразили удивление его вопросом и просьбой одновременно. Я бессильно прикрыла глаза и кивнула, совершенно не заботясь о возможных последствиях.

Пригнув голову, Марк вошел в узкий коридор (какой он был все-таки высокий!) и предусмотрительно прикрыл за собой дверь. Я прижалась к стене не от страха, а только чтобы не касаться его. Не разуваясь Марк прошел несколько шагов, на секунду замер у двери в гостиную, будто прислушиваясь.

– Ты одна?– спросил он, оглянувшись, как в замедленной съемке.

Это должно было насторожить, но я равнодушно пожала плечами, сунула руки в карманы халата и выдохнула:

– Да. Можете делать все, что задумали.

Собственная ирония вызвала усмешку, и я, опустив подбородок, беззвучно рассмеялась в воротник халата.

На лице Марка эмоции не читались. Он проследовал к дивану и присел.

– А что, по-твоему, я задумал?– тихо спросил незнакомец.

Я прошла к двери комнаты оперлась плечом о косяк и посмотрела на Марка изучающим взглядом.

«Что тебе от меня нужно?»

Он остановил на мне внимательный, слишком пристальный взгляд. От напряжения, которое возникло в комнате, загудела голова. Снова эти электрические мурашки, как и в нашу первую встречу, поползли по позвоночнику. Затылок

и виски налились тяжестью.

«Нужно было напиться ночью и уснуть. А еще лучше зайти в аптеку за смертельным коктейлем из разнообразных препаратов»,— мрачно подумала я.

Неожиданно для самой себя я смело отстранилась от дверного косяка, прошла к дивану и села плечом к плечу к Марку.

«Ладно! Я хочу умереть!— мысленно застонала я.— Убей меня быстро!»

— Я не стану тебя убивать! Я дам тебе больше...

И не успела оглянуться и выразить удивление на его слова, как Марк резко поднялся с дивана, стремительно опустился на колени лицом ко мне и, схватив за плечо одной рукой, другой — ладонью — толкнул меня в лоб, пригвоздив к спинке дивана.

Время остановилось. Перед глазами поплыло. Мысли и чувства растворились: зрение, обоняние, вкус, слух... Осталось лишь четкое ощущение его обжигающей ладони на моем лбу.

И мир погас...

Глава 8. Голубой туман

Девушка лежала на столе. Ровно. Неподвижно. Из-за разности температур прозрачная поверхность стола запотевала прямо по контуру ее тела. Необычное, но красивое ли-

цо, удивительно мягкие черты. Мокрые короткие черные волосы торчали острыми иголками на висках и макушке, самые длинные пряди прилипли ко лбу в причудливой форме. Глаза закрыты, губы разомкнуты. Только невероятно длинные черные ресницы слегка подрагивали. Ее руки расслабленно лежали вдоль тела ладонью к поверхности стола, ноги с необычно маленькими ступнями и ровными пальцами ног с таким же странным цветом ногтей, как и на пальцах рук – переливающимся голубым – вытянуты и чуть раскинуты.

По обнаженной смуглой коже собирались частые капельки влаги и, образуясь в ручейки, медленно стекали на стол. Тон кожи казался совсем темным от привычного глазу светлого. И несмотря на это кожа казалась прозрачной, потому что сквозь нее просвечивались голубые сосуды.

Он неотрывно смотрел на нее, замирая от любопытства и внимательно изучая каждый изгиб тела, форму груди и необычные слегка выпуклые темные точки разного размера, разбросанные по коже. Такая хрупкая, маленькая, чужая, но притягательная. Ее запах – не отталкивающий, но незнакомый, вызывал странную пульсацию в животе. Подушечки пальцев горели от желания провести по влажной коже и ощутить ее структуру. Никогда прежде он не видел такого загадочного, завораживающего существа.

Но он понимал, что это еще один новый организм, который, безусловно, будет интересно исследовать ему и его коллегам. А неожиданное любопытство должно было уступить

профессиональному долгу.

И вместе с тем девушка была столь необычна, сколь и знакома. Его удивило и наполнило энтузиазмом сочетание физических характеристик и описанных наблюдателем интеллектуальных возможностей. Ему уже не терпелось заглянуть в ее генетическую карту.

И вдруг девушка вздрогнула всем телом, мышцы живота напряглись, капельки влаги засверкали на свету и быстро скатились с ее кожи на ребрах, глаза широко распахнулись, из губ вырвался глухой протяжный стон.

Ее мутный взгляд бесцельно блуждал в пространстве перед ней, будто она не различала предметов или искала на чем сфокусироваться. Насыщенно-голубой цвет радужки порастил его. Такая радужка могла быть только в одном случае. И пока эти мысли удерживали внимание, он не заметил, как девушка встретила с ним взглядом.

Она долго, неотрывно смотрела в его глаза, сначала взгляд был неосмысленным, а потом – удивленным и жалобным. Затем она нерешительно протянула руку в случайном направлении и неожиданно коснулась его пальцев, прохрипев слабым голосом:

– Марк?

От неожиданной разности температур – его горячей кожи и ее – ледяной – он стремительно отдернул руку и отошел от стола, ошеломленный волной эмоций, накрывших его. Ее взгляд был почти осязателен физически, будто она ощупала все

его лицо. А мизинец и часть безымянного пальца левой руки, которых коснулась девушка, пекло, как от ожога.

Спрятав руку в карман комбинезона, он потер пальцы друг о друга, пытаясь уловить и описать то необычное ощущение, которое возникло при контакте с девушкой. Но опомнившись, озадаченно взглянул на коллег. Женщина в белом комбинезоне мягко улыбалась, а мужчина за ее спиной бесстрастным взглядом рассматривал свою очередную находку, но не приближался к ней. Однако, когда девушка открыла глаза, тот строгим повелительным тоном произнес:

– Она не должна была проснуться. Начинайте адаптацию,— и вышел из лаборатории.

Невесомость...

Холодно... Влажно... Тихо...

Электромагнитные волны проходят насквозь... Вверх – вниз...

Я будто качалась на волнах... Меня то прибивало к берегу, то уносило в глубину... Но все чаще ощущала, что нахожусь под водой... Легкие толчки воды качали из стороны в сторону, переворачивали, медленно вращали...

Странное ощущение покоя без необходимости принимать решения, выбирать, действовать... Доносились какие-то звуки, но проплывали мимо, не оставляя за собой желания их воспринимать или понимать и вообще какого-либо эмоционального следа...

Я была мертва? Не знаю... Я была равнодушна... Ощущала покой, и если это все, что нужно было делать, то я легко принимала его...

Тишина... Безмолвие... Бесстрастность... Легкие толчки то ли извне, то ли изнутри... Откуда? Откуда изнутри? Где это? Что такое внутри?

Я везде... Я растворена... Я... Кто я? Что это – Я? Я не знаю... И мне не нужно знать... Зачем мне это?

Я была наполнена отрешенностью и беспечностью, и это удовлетворяло.

Долгая дорога по туннелю... Вспышки света передо мной, мутные и едва различимые точки...

Невесомость увлекала за собой... Легкость... Безмятежность...

Это могла быть вечность...

Налетела очередная волна и отбросила назад... Вполне ощутимый толчок и препятствие... Это пробудило что-то необычайно стремительное и всколыхнуло легкое недовольство...

Еще некоторое время назад... насколько долго – не могла оценить, но я была в состоянии безрассудного покоя, а теперь – внутренне содрогалась от ощущения, что меня начало охватывать смятение. Но я даже не могла понять, по какой причине...

Время... Причина... Какие-то знакомые категории...

Меня все больше беспокоило состояние невесомости...

Я неожиданно вспомнила... У меня было тело! И я умела контролировать его... Когда-то... Так должно было быть... Если все то не было фантазией... Да, у меня были руки и ноги! Это знание болезненной вспышкой пробудило меня.

Я умерла? Нет! Или я еще не перешла в то состояние, когда уже не осознаешь себя, как нечто? Но я совершенно помнила, что я – есть я, и я ощущаю себя... Где? Как? Я не знаю! Но я ощущаю себя! Это не может быть смертью! Или я просто не знаю, что такое смерть?! Или я просто не знаю, что такое Я?!

Что-то утяжеляло мысли, они текли так медленно, словно застревали в плотном желе. Там, где казалось, что я должна что-то видеть, вдруг начинало жечь...

Глаза! У меня должны быть глаза! Они у меня есть!

Что-то мутное образовалось впереди, словно через толщу воды показались тени... они двигались... Резь в глазах прекратилась, но и тени пропали...

Вспышка света... и смутные образы знакомых предметов медленно проплыли передо мной, как в замедленной съемке, сквозь какую-то темную пелену, похожую на сеть или паутину...

Невесомость! Вода! Я! Мое тело! Это что-то реальное и нереальное одновременно...

Тошнота... Горячий ручеек по позвоночнику, будто тысяча раскаленных сверлышек... Волна отбрасывает назад...

Чьи-то руки передо мной безвольно колышутся... и пу-

таются в черной паутине... Сквозь паутину... глаза... большие... темные... не мигающие... наблюдающие...

Время... Покой вперемешку с вялым любопытством: куда я направляюсь сквозь непонятное пространство?..

Дискомфорт где-то за мной... Сзади... От резкой боли все дрожит, но она прекращается так же быстро, как и возникает... А боль ли это, вообще?

Едва различимое движение впереди... Опять эта паутина...

Муравейник... Под кожей муравьи... Они медленно копошатся там... Откуда муравьи в воде?!

Снова уносит волной... Тяжелеет мысль... Откуда она исходит? В голове? У меня есть голова!

Тревога нарастает с каждым новым ощущением времени... Физические ощущения становятся все ярче и осознаннее...

Я... Кто я? Я чувствую... Я мыслю...

Я здесь... Нет прошлого... Мое тело только здесь и сейчас... Впереди черная паутина и... глаза... бледное лицо...

Вновь безвольные руки с замершими пальцами передо мной... Паутина колыхнется, но уже не такая плотная... Я делаю усилие, и тут одна из рук касается чего-то невидимого... Вижу это смутно и ощущаю... Вслед за рукой тянется тело... Медленно, лениво...

Впереди те же глаза и бледное лицо... Светлые волосы... Внимательный взгляд...

Моя голова склоняется к невидимому препятствию, разделяющему нас...

И вдруг... словно молния пронзает насквозь... Голубые глаза... смуглая кожа... Черные волосы паутиной колышутся в воде...

Это отражение...

Я – человек... Я – Кира...

Вспышка света... боли... Все ощущения меркнут...

Пустота... Темнота... Воронка... И кровь стучит в ушах...

Глава 9. В сознании

Мне было холодно. Так холодно, что содрогалось все тело, но и внутри все дрожало.

Во рту было много слюны, и при очередном глотке чуть не стошнило. Но я глубоко задышала и успокоила судорожные позывы. Дышать было как-то странно, будто я делала это впервые за долгое время. Воздух был холодным и колючим. В горле чесалось от каждого вдоха. На языке ощущался странный привкус, словно от чистого кислородного коктейля.

Я приоткрыла глаза. Слипшиеся ресницы не сразу позволили открыть их полностью и сфокусировать взгляд. Передо мной был белый потолок, хотя я не могла его рассмотреть: картинка расплывалась.

«Боже! Опять я в больнице! Что я такое съела?!»— с горечью подумала я и поморщилась, но кожа на лице будто заledenела.

Я закрыла глаза и начала беспокойно вспоминать последние события до того, как оказалась в клинике, недоумевая, как могла позволить случиться новому приступу: ведь такого не бывало уже несколько лет. Вся моя бытовая жизнь и питание были под четким контролем, выработанным с самого детства. Но в мыслях была пустота. Белый холодный туман. Ни одной картинки.

Смутные сомнения копошились в голове. Это не могла быть клиника. Запах был совсем не больничный. Я ведь его не терпела и могла почувствовать издалека, даже просто от одежды медика. Меня снова пробила крупная дрожь.

«Холодно! Нужно согреться».

Я медленно напрягла все мышцы по очереди. Тело ощущалось, но было таким невесомым. Подняв руку на уровне глаз, я прищурилась и рассмотрела ее. Очертания пальцев были смутными, но вот кожа — точно бледной.

«Неудивительно: я посинела от холода!»

Мне было безумно холодно, и я лежала на чем-то твердом и прохладном.

«Я что, нахожусь в морге?!»— сама мысль об этом вызвала недоумение.

Вновь посмотрев перед собой, не смогла ни на чем сфокусировать взгляд. Пространство вокруг виделось размытым.

Голова тяжелая. Вокруг тишина. Я тяжело и шумно вздохнула.

– Кто-нибудь тут есть?– прошипела я: в голосе не было силы, и язык еле ворочался. Собственный голос показался чужим.

Послышались легкие шаги. А после того, как я ощутила чье-то прикосновение к руке, перед глазами замельтешили белые мурашки. Зрение начало проясняться.

Перед собой увидела высокий белый потолок, только он казался бесконечным, как само небо, таким, как если бы протянула руку, а там облака, все выше и выше... Но я все же протянула руку вверх и, пока тянулась за ней взглядом, заметила на запястье браслет из прозрачной круглой трубки. Я опустила руку и попыталась определить, из чего состоит этот браслет и понять его назначение. Он не представлял собой ровным счетом ничего, кроме круглой полый трубки из пластика или стекла, ясности это не придало. Услышав шум сбоку, я отвлеклась от браслета и оглянулась.

Слева от меня стояла женщина в белой одежде. Я приподнялась, чтобы лучше рассмотреть, кто это, но не смогла удержать равновесия и бессильно уронила тяжелую голову на подушку. Но удивило то, что женщина была довольно высокой, ведь у меня самой сто восемьдесят три сантиметра, а она выглядела еще выше, потому я и не могла рассмотреть ее, не поднимая головы.

«В белом? Врач? Медсестра? Черт возьми, все-таки это

больница!!!»

Окинув взглядом пространство вокруг, не увидела ничего, хоть немного напоминающее больничную палату. И запаха здесь вообще никакого не было. Стены – белые, но это была не покраска и не обои, а похоже на матовое стекло. Хоть потолок тоже был белым, но границу стен и потолка я все же различила. А вот углов в комнате не было. Вернее, они как бы угадывались логически, но это были полукруги, а не прямые углы. Сама комната была такой просторной, даже большой – квадратов сорок, для палаты – слишком огромной. Мебели никакой не заметила. Разве что кровать подомной. Но у изголовья кровати обнаружила подвесную полку, на которой стояло что-то вроде планшета, и на экране высвечивались какие-то символы, сменяющие друг друга в неизвестном мне порядке, а также стоял высокий стакан с водой. Свет в комнате был теплым и в меру ярким, но странно, что его источников ни на стенах, ни на потолке не наблюдала. Все вокруг было несколько чудным или, скорее, непривычным, и мне не удавалось определить место, в котором нахожусь. Я устало закрыла глаза и попробовала сосредоточиться на своих ощущениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.